

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ
ПОРОГОМ

ПАУТИНА

КНИГА 3

Литрес

За последним порогом

Андрей Стоеv

**За последним порогом.
Паутина. Книга 3**

«Автор»

2024

Стоев А.

За последним порогом. Паутина. Книга 3 / А. Стоев — «Автор», 2024 — (За последним порогом)

Мир, который разошёлся с нашим примерно в 1000 году н. э. Мир, в котором никогда не было Чингисхана и Наполеона. Сможет ли герой, проживший обычную жизнь в нашем мире, начать новую жизнь в том? Как можно прожить жизнь достойно и защитить себя и своих близких в мире, который никогда не знал политкорректности и прав человека, но в котором есть магия и боги? Вот так неожиданно сложилась судьба Кеннера Арди, когда-то простого российского завлаба, а ныне сына изгнанной из рода аристократки – немного отморозка, немного параноика, и совсем немного идеалиста.

© Стоев А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Стоев

За последним порогом. Паутина. Книга 3

Глава 1

– Не так уж плохо, – заключил Горазд Сагал, наш преподаватель летописания и истории.
– Плохо, но не совсем? – переспросил я. – Я правильно понял вашу мысль, почтенный?
Горазд смутился – какая-то совесть у него всё-таки имелась. Я отвечал ему уже три с лишним часа, полностью рассказав два немаленьких билета и ответив на множество дополнительных вопросов. Каждый из которых, заметим, по объёму мало уступал билету.

Семестр подошёл к концу, для студентов настала зимняя сессия, а для нас с Ленкой – момент расплаты. В течение семестра нас никто не трогал, потому что так распорядилась Драгана, но по поводу экзаменов никаких распоряжений не поступало, и сейчас нас, выражаясь фигурально, трогали со всем возможным энтузиазмом.

У меня даже мелькнула разок малодушная мысль попросить Драгану воздействовать на преподав, но я быстро выкинул её из головы. Во-первых, так можно сразу уж попросить выдать нам диплом без учёбы – зачем останавливаться на полпути? А во-вторых, я был абсолютно уверен, что немало людей, включая ту же Драгану, сейчас с интересом наблюдают за нашими экзаменами. И наверняка делают какие-то выводы.

– Нет-нет, что вы, – покачал головой Сагал. – Это была просто фигура речи. Отвечаете вы как раз неплохо, не буду этого отрицать. Но вернёмся к нашей беседе. Каково ваше личное мнение по поводу этой темы? Мне было бы интересно услышать ваш анализ истории освоения нашего Севера.

Именно об этом мы и беседовали последний час – тема и в самом деле была огромной. Освоение новгородцами бескрайних пространств Севера продолжалось примерно двести лет, при этом в процессе произошло бесчисленное количество стычек с человеческими, и не только, племенами – в учебниках эти стычки напыщенно именовались сражениями, но большинство из них были просто драками групп племенных охотников с бродячими шайками новгородских повольников¹. Тем не менее, в конечном итоге под власть новгородских князей перешли огромные пространства до самых Рифейских гор, а местами и немного дальше, ну а затем придворные историки от души добавили пафоса, вылепив из заурядных разбойников героев-первопроходцев.

– Для того чтобы выполнить более или менее достоверный анализ, надо знать всю историю целиком, без купюр, – ответил я устало – он меня и в самом деле вымотал. – А поскольку учебники в этом вопросе не дают достоверной картины, я не рискну делать какие-то умозаключения.

Мне было понятно, что он обязательно за это зацепится, но лучше уж отказаться отвечать, чем нести какую-то чушь. Если я соглашаюсь отвечать, значит, признаю вопрос правомерным, а стало быть, он вполне законно сможет снизить мне оценку за неправильный ответ.

– И что именно, по-вашему, пропущено в учебниках? – тут же оживился Сагал.

– В них ничего не говорится о смысле этой затеи. Да, на этих территориях, особенно в Рифейских горах, оказалось немало ценных ресурсов, но систематическая разработка полезных ископаемых началась на несколько сот лет позже. А многие месторождения не разрабатываются до сих пор по причине отдалённости и отсутствия дорог. Тем не менее Новгород непонятно зачем упорно расширялся в том направлении, причём из некоторых оговорок

¹ Повольник – в Новгороде так называли свободных людей, занимавшихся разбоем и торговлей.

в учебниках становится ясно, что княжество неявно, но очень активно поощряло движение повольников на Север.

– Вам следовало читать внимательнее, Арди, – победно улыбнулся Горазд. – На северных территориях наблюдается немного необычная конфигурация поля Силы – общий фон там заметно ниже, а Сила сконцентрирована в мощных источниках. Именно поэтому северные территории сами по себе являются ценным ресурсом, и именно поэтому их пришлось так долго и мучительно завоёвывать. Бывшие хозяева земли тоже эти источники ценили.

– И что сейчас с этими источниками? – заинтересовался я. Действительно, это многое объясняет – например, почему для моих лесных не нашлось места на всём огромном новгородском Севере, и им пришлось топтать аж до Ливонии.

– Не знаю, – пожал плечами Сагал. – Никто не знает. Княжество никого туда не пускает. Точнее говоря, формально эти территории не являются закрытыми, но посещение их не поощряется, а случайные посетители чаще всего пропадают бесследно. Что же касается вас, Арди, то вынужден констатировать недостаточную работу с материалами. Вам следовало лучше работать с учебниками, чтобы у вас не было таких дыр в знаниях.

– Что ж, почтенный Горазд, давайте это обсудим, – предложил я. – Укажите, пожалуйста, какой именно учебник я прочитал невнимательно, и мы вместе с вами посмотрим, что там написано по этому вопросу.

– Я не имел в виду именно учебники, – снисходительно улыбнулся тот.

– Хорошо, давайте обсудим рекомендованную нам дополнительную литературу. У меня с собой методичка со списком литературы, покажите, пожалуйста, где я мог бы найти эту информацию.

– При чём здесь рекомендованная литература? – поморщился Сагал. – Исследователь не должен замыкаться на этом. Есть несколько превосходных монографий...

Здесь я уже почувствовал возмущение – понятно, что он будет использовать любую возможность, чтобы меня завалить, но надо же и меру знать.

– Должен вам напомнить, почтенный Горазд, что я не историк-исследователь, а всего лишь студент боевого факультета, для которого ваш предмет вообще не является профильным. И если вы попытаетесь занижить мне оценку на том основании, что я не ознакомился с какими-то узкоспециальными монографиями, то я буду вынужден подать официальную жалобу попечительскому совету и ректору Академиума. Ваши мотивы для снижения моей оценки мы с вами будем обсуждать в их присутствии.

– Я не говорил о снижении оценки, – неловко заюлил Сагал, явно почувствовав, что зашёл слишком далеко. – Я всего лишь отметил желательность знакомства с более широким спектром материалов.

Я, наверное, никогда не смогу понять, почему люди неизменно наглеют, если обращаться с ними с уважением. Возможно, это в человеческой природе – постоянно пробовать границы допустимого. Я старательно веду себя, как обычный студент, и некоторые почему-то быстро забывают, что на самом деле я вовсе не обычный безответный студент, которым можно помыкать как угодно. Приходится регулярно ставить таких людей на место, хотя мне это не доставляет ни малейшего удовольствия. Не понимаю, почему Сагал вдруг запомнил, что я не просто студент, но ещё и глава одного из влиятельнейших семейств, член Совета Лучших и один из крупнейших спонсоров Академиума? И что к моей жалобе попечительский совет отнесётся со всем возможным вниманием, а если я потребую увольнения какого-то преподавателя, то ректор практически наверняка предпочтёт со мной не ссориться? Казалось бы, как мог Сагал об этом забыть? Но ведь почему-то забыл. А вот посмел бы он устраивать мне подобный экзамен, если бы я обращался с ним свысока? Вопрос... Хотя какой там вопрос – и так ясно, что не посмел бы.

– А кстати, почтенный, – пришла мне в голову мысль, – студенту вообще позволили бы ознакомиться с этими вашими монографиями? Что-то мне подсказывает, что эта тематика является закрытой и требует специального допуска.

– Давайте вашу зачётку, Арди, – вздохнул Горазд. – Оценка «превосходно», поздравляю. Я вас больше не задерживаю, всего хорошего!

– Благодарю вас, почтенный, – обозначил я вежливый поклон. – И позвольте дать вам добрый совет – убавьте энтузиазма. Особенно когда будете принимать экзамен у моей жены. У всякого терпения есть предел, и вы к нему подошли опасно близко.

Ленка сдала за двадцать минут, получив своё «превосходно». Всё-таки вменяемый...

* * *

– Нет-нет, Арди, тебе не сюда, – ехидно усмехнулся Менски.

– Не сюда? – с недоумением переспросил я, отпуская ручку знакомой двери тестового коридора.

– Для семьи Арди мы приготовили нечто особенное. Нечто вас достойное.

Однорूपники дружно посмотрели сначала на меня, потом на Ленку. Во взглядах у них отчётливо читался ужас, смешанный с сочувствием. Ленка презрительно улыбнулась – запугать её было практически невозможно. И уж во всяком случае, нашему Генриху это точно было не по силам. Её принципы в чём-то были похожи на самурайский кодекс – что-то вроде «встреть неизбежное с улыбкой и умри достойно». Она, конечно, никаких кодексов не записывала, да и вообще свои принципы никогда не обсуждала, но я-то знал её как бы не лучше, чем себя.

– Благодарю вас, наставник, – я вежливо наклонил голову. – А также других преподавателей, которые, как я полагаю, вам в этом помогали.

Генрих досадливо фыркнул – он давно уже свыкся с мыслью, что мы его не боимся, но какие-то надежды на этот счёт, по-видимому, всё-таки питал.

– Я им передам, – кивнул он. – Тебе вон в ту дверь.

– Я должен что-то знать об этом «особенном»? – спросил я. – Или мне следует узнавать всё по ходу дела?

– Да, собственно, секрета тут никакого нет, – с некоторой неохотой отозвался Менски. – Такой же коридор с ловушками, просто ловушки не позволяют мухлевать.

– Мухлевать? – я вопросительно поднял бровь.

– Неподходящее слово, признаю, – махнул рукой тот. – Ладно, иди.

За указанной дверью и небольшим предбанником открылся привычный вид тестового коридора – истёртые каменные плиты, неровные базальтовые стены, тусклый мерцающий свет. Зрение было здесь почти бесполезно – тени непрерывно плясали, и в их мельтешении было практически невозможно что-нибудь разглядеть. Я прикрыл глаза – это непрерывное мелькание только мешало сосредоточиться, – и попробовал ощутить окружение. Получилось не сразу, но с третьей попытки удалось войти в лёгкий транс и почувствовать коридор – равнодушно-холодные стены и пол, изрезанные нишами и каналами. Мыслей в транс не было, но тень эмоций осталась, и я поразился сложности системы. Здесь не просто были ловушки – весь коридор целиком состоял из них. Каждая плита пола могла провалиться, в стенах ловушки тоже шли подряд. И судя по количеству и плотности исполнительных механизмов, все ловушки были механическими.

Конечно, нельзя было сказать, что я видел это всё, как глазами – нет, это были просто ощущения, которые к тому же не совсем точно показывали реальное расположение предметов. И всё-таки это давало очень многое, так что можно было смело сказать, что я почувствовал себя зрячим.

Я попытался немного углубить транс и получить более ясную картину окружения. Картина яснее не стала, зато я ощутил поток холодного равнодушного внимания, по-видимому, от человека, управляющего ловушками – от нашей принцессы Леи, от кого же ещё. К вниманию примешивалось лёгкое раздражение и нетерпение – пожалуй, пора двигаться, пока меня не поторопили.

Я сделал шаг, и сразу же в стене справа дёрнулся какой-то механизм. Краем сознания я отметил, что никакого щелчка не было слышно – похоже, какой-то конструкт гасил звуки работы механики. Я инстинктивно создал справа щит, и отскочивший шар весело застучал по неровному полу. Сразу же вслед за этим я почувствовал рябь слева и кувыркком ушёл вперёд. Один из шаров задел меня вскользь, а второй пролетел мимо. Снизу пришло ощущение движения, и я перепрыгнул на следующую плиту. Она тоже начала проваливаться. Я начал было перепрыгивать на следующую, но повинуясь внезапному импульсу интуиции, прыгнул вбок. Как оказалось, правильно сделал – плита впереди тоже провалилась. Слева и справа пришла рябь, и тут же повеяло опасностью сверху. Я быстро переместился вперёд, прикрывшись щитами с боков. Шары ещё не успели удариться об пол, как я прыгнул вперёд и влево. Механизм плиты, на которой я стоял, запоздало дёрнулся, но меня там уже не было.

Тот, кто управлял ловушками – наверняка это и в самом деле была Лея Цветова, – начал нервничать. Я ощутил нотки раздражения и неуверенности, а ловушки начали срабатывать группами, порой довольно невпопад. Ещё недавно это стало бы для меня концом маршрута, но не сейчас, когда я мог засечь самое начало активации. От активации до фактического срабатывания проходило заметное время, примерно около секунды. С моей скоростью я легко успевал уклониться или, в крайнем случае, защититься.

Я прошёл так почти половину коридора, не попав ни в одну ловушку – если не считать того касательного попадания шара в самом начале. Лея за мной явно не успевала, и в её эмоциях почувствовалась серьёзная злость. Наконец, она устроила массовое срабатывание – я почувствовал, как активируются механизмы со всех сторон, и даже с потолка. Уклониться было бесполезно – куда бы я ни двинулся, я попадал под массивированный удар, а закрыться со всех сторон щитом мне было не по силам, такое мог бы сделать разве что Старший.

Как ни удивительно, я не испугался. Вместо этого я вдруг провалился в ещё более глубокий транс, и опять, как тогда над Польшей, увидел вокруг себя плоскости – хотя можно ли их так называть? – скорее это были какие-то непонятные геометрические структуры, которые воспринимались чем-то вроде плоскостей, но определённо ими не были. Почему-то закрытые глаза совершенно не мешали их видеть, и этот факт не показался мне ни удивительным, ни даже просто необычным.

Я интуитивно потянулся к одной из структур, которая была почти прозрачной, и она легко скользнула ко мне, сформировав вокруг меня что-то вроде перекошенного купола. Другая плоскость, словно заполненная белым дымом, легла под ноги, и я спокойно двинулся вперёд. Летящие шары огибали меня, палки, которые имитировали вращающиеся лезвия, проходили сквозь меня, как будто я находился в каком-то пространственном кармане, плиты проваливались под ногами, но я шёл, этого не замечая.

Так я и достиг конца коридора, едва не наткнувшись на дверь в следующую секцию. К счастью, я вовремя почувствовал, что коридор кончился, и открыл глаза. Непонятно, что произошло бы, если бы я попытался таким образом пройти сквозь дверь, и проверять это у меня не было ни малейшего желания. Я перестал держать плоскости, и они охотно скользнули на место. С некоторым усилием я вернулся к обычному восприятию и тут же почувствовал, что смертельно устал. Похоже, на следующих этапах этот трюк у меня уже не получится – придётся придумывать что-нибудь другое.

Я посмотрел назад на полностью разгромленный коридор, устало вздохнул и уже взялся было за ручку двери, ведущей в следующую секцию, как распахнулась дверь, ведущая на выход, и там возник хмурый Менски.

– Выходи, Арди, – недовольно приказал он.

– Вообще-то, я рассчитывал дойти до «превосходно», – возразил я.

– Выходи, будет тебе «превосходно», – сморщился он.

Он отодвинулся в сторону, кивком показал на выход, и мне не оставалось ничего, кроме как выйти наружу.

– Со мной всё в порядке, госпожа Дея, – сказал я поднявшейся навстречу мне целительнице. Она с любопытством посмотрела на меня и кивнула.

Стукнула незаметная дверца в углу, и к нам присоединилась Цветова, в эмоциях которой причудливо перемешались злость и растерянность.

– Ну и что нам с тобой делать, Арди? – мрачно спросил Генрих.

– А со мной надо что-то делать? – ответил я таким же бессмысленным вопросом.

– Мы этот коридор сооружали восемь месяцев, – возмущённо высказался Менски, – и обошёлся он во столько, что ректора чуть удар не хватил, когда ему принесли счёт. И вдруг выясняется, что всё это было бесполезно, и ты по тестовому коридору спокойно гуляешь, как блондинка по Коржевой². И как это прикажешь называть?

– А что – мне надо было голову подставить под ваши камни? – здесь возмутился уже я.

– Меня бы это больше устроило, – вздохнул Генрих. – А сейчас мне придётся как-то объяснять ректору, что эти деньги были потрачены напрасно.

– Извините, наставник, – я и в самом деле почувствовал себя виноватым. В конце концов, он действительно старался что-то сделать.

– Да ладно, – махнул он рукой. – По крайней мере, у нас теперь есть нормальный коридор для преподавателей, мы-то студенческий давно переросли. Мы столько лет его просили, и вечно денег не было, а вот как понадобилось для тебя с женой, так мгновенно деньги нашлись.

– А вы что, тоже тестовый коридор проходите? – поразился я.

– И почаще, чем студенты, – он снисходительно посмотрел на меня. – Два раза в месяц. Или ты считаешь, что если мы преподаватели, то нам расти не надо? Не будешь тренироваться, студенты начнут бить. Да что далеко ходить – ты же с женой и начнёшь бить.

– Когда сможем, обязательно начнём, – согласился я. – А знаете что, наставник – если вам надоест Академиум, приходите к нам в дружину.

– Приглашаешь? – поднял бровь Генрих. – И в качестве кого?

– В качестве мастера-инструктора. Но если вы предпочтёте другое занятие, то это можно будет обсудить.

– Буду иметь в виду, спасибо, – кивнул он. – Хочешь потренировать своих Владеющих?

– Хочу, – признался я. – Почему-то эта мысль мне раньше в голову не приходила, а напрасно. И такой коридор мы обязательно сделаем в самом скором времени.

А ведь с таким подходом совсем неудивительно, что наши Владеющие заметно сильнее имперских. Тот, которого мы завалили в Риме, вряд ли по каким-то тестовым коридорам ходил – будь он хоть примерно уровня Генриха, ничего бы мы с ним не смогли сделать. Да и в Итиле девица из Белого Города совсем не впечатлила – правда, она явно была всего лишь студенткой, но всё же.

– Но пока что меня больше занимает вопрос, что делать с тобой, – опять нахмурился Менски. – Как тебя учить-то?

Тут в разговор вступила Цветова, которая до этого просто слушала нас с мрачным видом:

² Коржева улица находится в Плотницком конце, идёт параллельно Плотницкому (у нас Фёдоровскому) ручью. В мире Кеннера это улица дорогих бутиков.

– А меня, Гени, больше занимает вопрос, что делать с его женой. Мне после него нужно час коридор перезаряжать, а потом она так же прогуляется?

– Действительно, проблема, – озадачился Генрих. – Скажи-ка, Арди – она тоже так умеет?

Я задумался. Раз я так умею, то у неё наверняка тоже получится... а кстати, почему я умею? Нет, в Польше я тоже так делал, но там я действовал наугад, совершенно не понимая, что я вообще делаю. А здесь я оперировал конструктами настолько ловко, что это нельзя списать на голую интуицию. Так управлять конструктами можно только с серьёзной практикой, которой не было. Или на самом деле всё-таки была? Мне хотелось бы объяснить это тем, что это просто подсказка от Силы, но стоит ли себя обманывать? Ясно, что Ленка потихоньку отработывает эти навыки. Знает, что мне это очень не нравится, поэтому тренируется тайком от меня – и судя по всему, уже далеко продвинулась.

– Она умеет лучше, – поморщился я. – Но я не знаю, будет ли она это использовать. Наверное, всё-таки будет – там же всё на рефлексах, думать некогда.

– Ну и зачем тогда? – спросила Лея.

– Незачем, – согласился Генрих. – Поставлю ей тоже экзамен автоматом, а ты, Лея, иди в студенческий коридор принимать у остальной группы.

* * *

– «Современные космологические представления», – зачитал я название билета.

– Неудачный выбор, – поморщилась Ясенева. – Или, скорее, удачный для вас. Я знаю, что вы на подобные темы способны говорить часами.

– Насчёт часов вы сильно преувеличили, магистер, – возразил я. – Но если вас не устраивает этот билет, я могу вытянуть другой. Мне, в общем-то, всё равно что отвечать.

– Заменять билет нельзя, – веско сказала Магда. – Есть правила, и мы обязаны им подчиняться.

– Ну вас же не смущает, что я отвечаю уже третий по счёту билет.

– Правила не запрещают использование на экзамене дополнительных билетов, – парировала Ясенева. – Этот вопрос оставлен на усмотрение экзаменатора, тогда как замена билета запрещена явным образом.

– Как вам угодно, магистер, – вздохнул я. Действительно, с кем я собрался обсуждать правила?

Слушала Магда меня внимательно – как бы она сама ни относилась к космологии, ни малейших послаблений по этому поводу ждать не стоило, особенно мне. Хотя надо заметить, что сдавать ей было проще всего. Разумеется, «проще» совсем не означало, что сдавать было легко, скорее наоборот. Проще было в том смысле, что результат экзамена у неё был абсолютно предсказуем – как знаешь, так и сдашь. Если знаешь, то у неё даже мысли не возникнет тебя валить, будь ты хоть её личным врагом. А если чего-то не знаешь, то она обязательно это раскопает и отправит доучивать. Оценку «приемлемо» она никогда не ставила – либо ты знаешь предмет отлично, либо добро пожаловать на пересдачу.

– Знаете, Арди, – заявила она, выслушав ответ до конца, – ваш ответ хорош, не могу этого отрицать. Это хороший и полный ответ, да я, собственно, другого от вас и не ожидала. Но меня не оставляет чувство, что вы с этими самыми современными космологическими представлениями совершенно не согласны. Что скажете?

– Не то чтобы не согласен, – ответил я, немного подумав. – Скорее, я не считаю это наукой. Всё это кажется мне больше похожим на религию. Ничего не имею против религии, но на ваших уроках я всё же рассчитываю встретить науку.

– Интересно, – внимательно посмотрела она на меня. – Вы наверняка знаете, что это созвучно моему отношению к данной теме. Вы сказали это специально, чтобы подчеркнуть своё согласие с моей точкой зрения и таким образом облегчить себе жизнь?

– Нет, я высказываю своё мнение, магистер. У меня нет цели соглашаться с вами, и если я буду с вами в чём-то не согласен, я так и скажу.

– Хорошо, я вам верю. Но в таком случае прошу аргументировать своё заявление.

Неплохо она меня зацепила – теперь наша дискуссия на отвлечённую, в общем-то, тему, внезапно стала частью официального экзамена. Впрочем, трудно ожидать ясной головы, третий час отвечая на бесчисленные вопросы с подвохом, так что совсем неудивительно, что я поймался.

– Прежде всего, мне кажется крайне сомнительным использование в качестве основы принципа «Ego existo³», – ответил я, тщательно обдумав формулировки – с Магдой нужно всегда следить, что и как говоришь. – Этот принцип неявно предполагает, что существует бесконечное множество вселенных, в которых найдётся абсолютно любое сочетание мировых констант. Однако это условие выглядит для меня очень произвольным допущением.

– Мы точно знаем, что вселенных много, – заметила Ясенева.

– Но мы не знаем, конечно ли их количество, – возразил я. – Если их конечное количество, то принцип «Ego existo» не работает. Совершенно неважно, одна ли вселенная, или их тысячи – вероятность возникновения пригодных для жизни условий будет одинаково ничтожной. Бесконечность вселенных является обязательным условием, и вот в этом как раз и состоит уязвимое место принципа.

– Как раз наоборот, Арди, как раз наоборот, – насмешливо улыбнулась Магда. – Именно этот факт и доказывает бесконечность множества вселенных и правильность принципа «Ego existo». Ведь если бы число вселенных было ограничено, каким образом появился бы именно такой набор мировых констант? Вероятность возникновения нашей Вселенной была бы ничтожной даже по космическим меркам.

– В этом случае нужное строение вселенной легко объясняется влиянием высшей сущности.

– Опять разговор о разумной Силе? – она закатила глаза в демонстративном отчаянии.

– С вашего позволения, о разумном Сиянии, магистер, – поправил её я. – Что, разумеется, никак не исключает и разумности Силы.

– Арди, вы понимаете, что за миллиарды лет накопилось бы огромное количество ошибок? Просто за счёт случайных флуктуаций. Я уверена, что даже высший разум был бы не в состоянии предсказать развитие вселенной на такой срок вперёд. Сразу установить такую конфигурацию, которая через миллиарды лет эволюции приведёт к нужному результату, несмотря на бесчисленное количество хаотических флуктуаций? Нет, в это категорически невозможно поверить.

– Я согласен, что сразу найти нужный набор было бы, скорее всего, непосильной задачей даже для высшего разума, – не стал спорить я. – Но существует способ корректировать развитие по ходу дела, используя лес вероятности.

Магда тяжело вздохнула.

– Арди, с вашим неординарным умом – да-да, я не собираюсь вам льстить, я и в самом деле так думаю, – так вот, с вашим умом из вас получился бы прекрасный исследователь. Но вам мешает ваша фантазия. Нет, для учёного какая-то фантазия необходима, но ваша уместна скорее для сочинителя фантастических романов. Я на ваше заявление могу ответить

³ Ego existo – «я существую» (лат.) – в нашем мире этот принцип известен как «антропный принцип». Он гласит, что Вселенная такова, потому что только в ней мы могли появиться. Таким образом пытаются объяснить загадку, которая состоит в том, что даже крохотное изменение физических констант сделало бы нашу Вселенную непригодной для жизни. Самопроизвольное появление именно такой Вселенной, которая позволяет нам существовать, выглядит крайне маловероятным.

только одно: если ранжировать бредовые теории по степени бредовости, то теория леса вероятности окажется где-то очень близко к вершине. Ну в самом деле, как можно всерьёз в это верить?

«Да, как можно всерьёз в это верить?» – спросила бы Мариэтта Киса. Очень интересно было бы услышать её мнение, жаль только, она уже ничего не скажет. Переубеждать Ясенева я не стал, да и вряд ли бы она мне поверила – она определённо не из тех преподавателей, кто способен прислушаться к мнению студента.

– Вот именно об этом я и говорю, – указал ей я. – Вы верите в бесконечность вселенных, я верю в лес вероятности. Не вдаваясь в то, чья вера ближе к истине, отметим факт, что и в том, и в другом случае это именно вера. Ни вы, ни я не можем строго обосновать свою позицию, или, на худой конец, строго опровергнуть позицию оппонента. Это исключительно наши с вами личные убеждения, а стало быть, как я и говорил, это не наука.

Ясенева надолго задумалась.

– Не могу не признать, что вы в чём-то правы, – наконец сказала она. – Хотя я и считаю доказанным принцип «Ego existo», вынуждена согласиться, что по научным стандартам, этому доказательству недостаёт строгости.

Даже не представляю, что должно было сдохнуть в соседнем лесу, чтобы Магда признала свою неправоту, даже в настолько смягчённой форме. Похоже, я сильно переоценил её упёртость. С другой стороны, она же дошла до Старшей, а это всё же подразумевает определённую гибкость мышления.

– Я по-прежнему считаю, что вы неправы, Арди, – продолжала Ясенева, – но не считаю возможным на этом основании снижать вашу оценку. Ваша оценка «превосходно». И надеюсь в следующем семестре всё же почаще видеть вас на своих занятиях.

Глава 2

– Мой дорогой друг Айдаc! – приветливо улыбаясь, я встал из-за стола навстречу и раскинул руки, как бы обозначая желание обнять. Буткус от удивления споткнулся и заметно насто-рожился.

Мне уже не раз приходилось замечать, насколько остро он предчувствует малейшую неприятность, и это поистине удивительно. Ясно, что без этого он просто не смог бы уцелеть – столько лет заниматься сомнительными махинациями с деньгами сильных мира сего и при этом остаться в живых удалось бы далеко не каждому. И всё же для обычного человека настолько развитая интуиция очень необычна. Скорее всего, он слабый одарённый, но всё же такое чувство опасности уместно скорее для Старшего Владеющего, которым он абсолютно точно не является. Вероятно, он просто уникам – вроде нашей Ирины Стоцкой, которая с её скромнейшим вторым рангом обладает очень сильной эмпатией, посильнее моей, пожалуй.

– Прошу вас, располагайтесь, – я радушным жестом направил его в гостевой уголок. – Мы давно с вами не виделись, и нам, безусловно, есть что обсудить.

– Здравствуйте, господин Кеннер, – очень быстро пришёл в себя Буткус. – Надеюсь, обсуждать нам придётся только хорошее.

– Разное, увы, – печалью на лице я выразил глубокое сожаление о несовершенстве мира. – Такова уж наша жизнь, что на каждое преодолённое препятствие тут же возникают два новых. Но должен сразу сказать, что к вам у меня нет ни малейших претензий. Насколько я понял из доклада госпожи Киры, наше с вами сотрудничество развивается вполне успешно.

– Именно так, господин Кеннер, – он немного расслабился. – Разумеется, иногда возникают небольшие рабочие проблемы, но они своевременно решаются.

– И это отрадно слышать. Кстати, вы, возможно, знаете, что к нашему семейству отошли четвёртый механический и мастерская Ивлич?

– Как бы я мог это не знать? – риторически спросил Буткус. – В последнее время это главная тема разговоров в Промышленной палате.

– Вот как? – вопросительно поднял я бровь. – И отчего же?

– Люди не понимают, как вы их получили, а загадка только разжигает любопытство.

– Какая может быть загадка в заурядном приобретении имущества? – удивился я.

– Видите ли, господин Кеннер... – он заколебался, но всё же решил пояснить подробнее. – Разумеется, банки не дают справок о счетах аристократов, но примерное финансовое состояние всех семейств ни для кого секретом не является. Очень примерное, разумеется, но особой точности ведь и не нужно. Ваше состояние довольно значительно, но как всем известно, его основой являются активы, с которыми вы вряд ли захотите расстаться. Что же касается свободных средств, то по общему мнению, их у вас недостаточно, чтобы приобрести даже один из этих заводов. Это, естественно, разбудило любопытство, и заинтересованные лица очень быстро сумели выяснить, что с ваших счетов не происходило никаких списаний сверх обычных операций. Запрос в имущественные реестры показал, что встречной передачи имущества также не было. Здесь заинтересовались уже все без исключения, и через знакомых в банках удалось узнать, что никаких кредитов вы не брали. И даже не наводили справок о такой возможности. Словом, всё выглядит так, будто эти заводы вам просто подарили. Стоит ли удивляться, что о вас говорят?

Буткус уставился на меня в очевидной надежде получить от меня какую-то информацию. Которую он, без сомнения, очень быстро сумел бы конвертировать во что-то полезное для себя – услугу, встречную информацию, да мало ли во что. Вряд ли он в самом деле рассчитывал, что я начну болтать, но выгляжу я юнцом – да, собственно, им и являюсь, – а это часто рождает у людей надежду, что я сделаю глупость.

Рассказывать я, конечно же, ничего не стал, но свой промах отметил. Я, похоже, сильно недооценил людское любопытство. В общем-то, я и не рассчитывал, что такое приобретение пройдёт незамеченным, но почему-то не ожидал, что кто-то начнёт копать всерьёз и что-то раскапает. А ведь раскопать было довольно просто – официально банк никаких справок не даёт, но банковская тайна тайной является довольно относительно. Доступ к информации об операциях есть у многих банковских служащих, и совсем несложно за небольшую мзду выяснить что угодно. Ирина Стоцкая регулярно этот фокус демонстрирует.

– Увы, мой друг, – развёл я руками с несчастным видом, – я вовсе не стремился получить эту собственность – для меня самого это было неожиданностью, и не сказать, что приятной. К сожалению, дружба с теми, кто над нами, имеет и обратную сторону – на нас могут взвалить неожиданную ношу, и отказаться часто нет никакой возможности. Как сказано от Иоанна, Христос нёс крест свой, вот так и нам порой приходится нести тяжкий груз.

– Странно слышать ссылки на Евангелие от язычника, не в обиду будь вам сказано, господин Кеннер, – в замешательстве сказал Буткус.

– Что же тут странного, почтенный Айдас? Я ведь ливонский барон, – напомнил я ему. – Мои подданные – христиане, и я давал клятву защищать христианскую веру на своих землях. Но мы ушли в сторону от темы нашей беседы.

– Поистине так, господин Кеннер, – несколько невпопад подтвердил Буткус, который выглядел изрядно сбитым с толку. В его голове, очевидно, слабо помещалась идея, что многомиллионная собственность может быть тяжким грузом.

Собственно, я как раз и планировал немного сбить его с толку. Ко мне он явился собранным и готовым ко всему, а это меня совершенно не устраивало. Разговор нам предстоял достаточно сложный, и растерявшийся собеседник, который к нему не готов, был для меня гораздо удобнее. Не то чтобы я хотел навязать ему что-то кабальное, просто хотелось создать более благоприятный фон для непростого разговора.

– Так вот, почтенный, – продолжил я, выдержав многозначительную паузу, – я упомянул про наши новые приобретения, потому что вместе с ними приобрёл и проблему загрузки новых мощностей. Однако у меня вдруг появилась мысль, что мы с вами можем опять помочь друг другу. Вы наверняка слышали, что в этом году княжеская дружина начинает масштабное перевооружение, и в частности, в ближайшие дни будет объявлен конкурс на лучшую универсальную гусеничную платформу. Насколько я знаю, у вас уже есть подходящий проект, который легко адаптируется под требования дружины. Мы могли бы вместе заняться этим патристическим делом.

– И зачем я вам нужен?

– Этот конкурс не для меня, увя, – с сожалением ответил я. – Пока не для меня. Как вы сами заметили, последнее моё приобретение привлекло слишком много внимания и вызвало слишком много вопросов. Если я в дополнение к этому захвачу себе такой грандиозный контракт, люди начнут эти вопросы задавать вслух. А кое-кто начнёт эти вопросы задавать громко и возмущённо. Так что я не смогу победить в этом конкурсе, князь этого не позволит. Да там и до подачи заявки дело не дойдёт, он просто попросит меня не участвовать.

– Тогда зачем мне вы? Я собирался участвовать сам.

– Это военный заказ, а у вас есть неясности с гражданством, – напомнил я.

– Совсем небольшие, – парировал он. – И они достаточно легко решаются получением специальной лицензии – заказ формально военный, но техника не является секретной.

– Вы ошибаетесь, – вежливо улыбнулся я, – легко решить эту проблему у вас не получится. Решать вопрос о допуске вас к конкурсу будет Филип Роговски, начальник департамента специального лицензирования, и его решение можно легко предсказать. Совсем недавно он вызвал серьёзное недовольство князя и удержался на своём месте лишь чудом. В обозримом

будущем он не примет ни одного решения, несущего хотя бы ничтожный риск. Он не даст вам лицензию.

– И вы можете в этом помочь? – хмуро посмотрел на меня Буткус.

– Могу, почтенный, – я ответил ему ласковым взглядом. – Дело в том, что почтенный Филип удержался на своём месте исключительно благодаря мне. Он очень удачно сумел подружиться с нашим семейством, и моего слова оказалось достаточно, чтобы тучи над ним заметно рассеялись. Он не откажет мне в мелкой просьбе.

Буткус надолго задумался.

– Кроме того, задумайтесь вот ещё над чем, – добил его я. – Даже если вам удастся решить вопрос с лицензией, конкурсная комиссия, несомненно, примет во внимание ваш не вполне подходящий гражданский статус. Ваши шансы победить не очень велики, и это, увы, факт. Зато с моей помощью вы победите практически наверняка. Хотя бы потому, что председатель конкурсной комиссии сиятельная Драгана Ивлич всецело поддержит мою рекомендацию.

– Вы очень убедительны, господин Кеннер, – немедленно сориентировался Буткус. – Я уверен, что совместная деятельность приведёт нас к новым успехам.

– Даже не сомневайтесь в этом, – заверил я его. – Хотя... – я сделал озабоченное лицо.

– Хотя? – он опять встревожился.

– Хотя есть один неприятный момент, – со вздохом сказал я. – Я правильно понимаю, что вы работаете с банком Хохланд Коммерцбанк?

– Да, это наш традиционный партнёр, – насторожённо ответил Буткус.

– Вам известно, что они заметно зарвались и вызвали недовольство князя?

– До меня доходили смутные слухи, но управляющий заверил меня, что это просто мелкий рабочий момент, который уже практически решён.

– Потрясающий оптимизм для человека, которому грозит от семи до пятнадцати лет тюрьмы, – усмехнулся я.

– Вы имеете в виду, что князь наконец решил покончить с Зепперами из-за их связи с кананитянами? – спросил Буткус, напряжённо что-то прикидывая про себя.

С кананитянами? Кто это такие и что у них с Зепперами и с князем? Я, разумеется, не стал сообщать ему о своём невежестве, предпочитая многозначительно помолчать. Он вопросительно смотрел на меня, ожидая продолжения, так что продолжение вскоре и последовало:

– И это, безусловно, тоже, – улыбнулся я с видом человека, посвящённого во многие тайные знания. – Но строго между нами, почтенный Айда, есть и не менее серьёзная причина – речь идёт о краже у княжества за последние пятнадцать лет примерно трёх миллионов гривен.

У Буткуса расширились глаза от удивления, но он моментально взял себя в руки и деловито спросил:

– Какие последствия ожидаются?

До чего же быстро соображает! Не стал ахать и охать, а сразу перешёл к делу.

– Пока непонятно. Князь очень недоволен, цитата: «Зепперы и в самом деле обнаглели», но решения по ним пока нет. Однако скажу вам больше: у церкви тоже есть к ним претензии.

– Церковь Зепперам доверяет, – уверенно возразил Буткус.

– Доверяет архиепископ Рижский, – указал я. – Но насколько мне известно, денег архиепископства в вашем распоряжении нет. Вы управляете деньгами ордена, а вот магистр доверяет Зепперам уже гораздо меньше.

– Почему вы так думаете? – Буткус был настолько напряжён, что казалось, будто он вот-вот сделает стойку, как охотничья собака. Это и понятно – его жизнь в прямом смысле зависит от вовремя полученной информации о таких вот подводных камнях.

– Скажу вам только одно имя, почтенный Айда, – улыбнулся ему я, – и это имя звучит так: Алонзо Скорцезе.

Буткус выглядел так, будто его внезапно ударили молотком по голове. Я-то всего лишь собирался тонкими намёками подвести его к мысли, что Зепперы не совсем надёжны, потому что связаны с уходящим папой, но он явно лучше меня информирован о внутренних церковных течениях, о которых я, к сожалению, знаю прискорбно мало. Похоже, имя кардинала говорит ему гораздо больше, чем мне.

– Что же делать? – растерянно пробормотал он.

– Главное, не надо суетиться, – твёрдо заявил я. – Пока ничего страшного не произошло. Нужно просто внимательно наблюдать и быть готовым отреагировать, если события начнут развиваться неблагоприятным образом. Я предупрежу вас, если князь решит окончательно разобраться с вашим банком. Или если Зепперы сами решат его обанкротить.

– Скажите, господин Кеннер, – Буткус задумчиво посмотрел на меня, – а вам-то какой интерес помогать мне в этом деле?

Мгновенно оправился от удара и сразу начал терзаться сомнениями – и в самом деле, очень быстро соображает. Что ни говори, а Буткус вызывает у меня искреннее уважение своими способностями. К этим способностям добавить бы морали, и получился бы талантливый предприниматель или политик из тех, кого помнят и кем гордятся потомки. А так вышел просто очередной пронырливый делец с минимумом принципов.

– Мой интерес очевиден, – хмыкнул я, – удивлён, почему вы его не видите. Представьте себе такую – разумеется, чисто гипотетическую! – ситуацию: допустим, князь решил наказать Хохланд Коммерцбанк в соответствии с законом, а Зепперы вместо того, чтобы выплачивать недоимки и штрафы, предпочли списать его как неперспективный актив – обвинив князя в банкротстве банка, а заодно присвоив под этим предлогом средства оппонентов папы. В том числе средства ордена. Ваши средства, почтенный. Представили? – (судя по выражению лица Буткуса, он представил). – А теперь подумайте, что будет с княжеским контрактом, и что будет с репутацией вашего рекомендателя – то есть с моей репутацией? Вы же понимаете, что мне придётся взять на себя серьёзную ответственность, чтобы добиться передачи контракта вам?

– Я просто в шоке, – откровенно сказал Буткус.

– Попрошу вас, почтенный, держать этот разговор в секрете, – строго сказал я. – Если такие слухи пойдут среди клиентов банка, наверняка возникнет паника, и тогда нежелательное для нас развитие событий станет неизбежным. Я попытаюсь предложить князю компромиссное решение и уладить всё без лишнего шума, но чтобы это получилось, никаких утечек быть не должно.

– Я понял вас, господин Кеннер, – решительно заявил Буткус. – Я буду ждать известий от вас.

– Я обязательно предупрежу вас, если появится опасность неприятного исхода, – пообещал я.

* * *

Поговорить с Ленкой мне удалось нескоро – то это было не к месту, то не ко времени, то просто не до того. Да и вообще не та это тема, на которую можно поболтать за завтраком. Так что прошла неделя, прежде чем выдался удобный случай обсудить наш экзамен по боевой практике.

– А вот кстати, Лен, – я вспомнил о нём не сразу, повседневные заботы уже порядком вытеснили прошедшие экзамены из головы, – ты, похоже, разбираешься с этими плоскостями?

– С плоскостями? – она непонимающе на меня посмотрела.

– Ну что я делал тогда, в Польше. С тем дирижаблем, который нас брал на бордаж.

– Ты видишь это именно как плоскости? – заинтересовалась Ленка.

– В общем, да. Некоторые очень большие, они теряются где-то вдаль, а некоторые совсем маленькие, просто плоские фигуры. А ты видишь как-то по-другому?

– Некоторые как плоские фигуры с размытыми границами, а некоторые не совсем плоские.

– Если подумать, то я тоже вижу их по-разному, – я попытался вспомнить, но получалось не очень хорошо, словно воспоминание об ушедшем сне – общий смысл всё ещё помнишь, но многие детали уже забылись, и картинка заметно выцвела. – Если в них вглядываться, появляется объём и структура. А детали вспомнить не могу почему-то. Но ты ушла от ответа.

– Немного разобралась, – призналась Ленка.

– То есть ты тренировалась ими управлять.

– Не то чтобы тренировалась. Так, разобралась что и как.

– А «немного» – это значит «не каждый день»? Или всё-таки каждый?

– Ну, не совсем каждый, – она спрятала глаза.

– Лена, я не собираюсь тебе что-то запрещать, – сказал я со вздохом. – Я просто хочу, чтобы ты понимала, насколько это опасно. Насколько просто ты можешь убить нас обоих, потому что я без тебя тоже жить не буду.

– Я это понимаю, – она посмотрела мне прямо в глаза. – Но Кени, почти всё, что мы делаем – опасно. Мы не можем сидеть дома и дрожать, нам так и так будут встречаться опасности. Чтобы уменьшить риск, мы должны стать сильнее, и это хороший вариант.

– Не такой уж хороший, – возразил я. – Ты знаешь, почему мы с тобой получили автомат у Генриха? Потому что я в самой первой секции построил вокруг себя купол и прошёл первую секцию прогулочным шагом.

– Напомни, пожалуйста – кто мне только что рассказывал об опасности? – с иронией спросила Ленка.

Я почувствовал, что краснею – действительно, как-то некрасиво получилось.

– Это само собой вышло, на инстинктах, – неловко оправдался я. – Но я хотел сказать другое: я шёл в куполе секунд двадцать, может, чуть больше, и за это время полностью вымотался. Если бы Генрих не вытащил меня оттуда и не поставил оценку автоматом, следующую секцию я уже вряд ли бы прошёл. Я бы там упал в самом начале.

– То есть ты сжульничал, Кени? – Ленка сделала большие глаза. – И как ты себя при этом чувствуешь?

– Прекрасно чувствую, – пожал плечами я. – Во-первых, не такой уж я и честный. Ну, то есть, честный, но не до глупости.

Ленка одобрительно хихикнула.

– А во-вторых, они первые начали жульничать.

– Это как? – удивилась она.

– Они ни разу не дали нам пройти новый усложнённый коридор для тренировки, а пустили в него только на экзамене. Явно же надеялись завалить. И даже так я проходил его нормально, купол включил только когда Лея разозлилась и начала запускать ловушки сразу скопом. Там ни защититься, ни уклониться было невозможно. В общем, мне станет стыдно не раньше, чем станет стыдно им.

– Я согласна, Кени, – подумав, сказала Ленка. – Ты использовал разрешённые способы, а если Генрих решил проставить экзамен автоматом, то это его решение.

– Так вот, насчёт полезности, – вернулся я к теме, – я вижу не так уж много сценариев, где эта техника действительно будет полезной. Слишком много она вытягивает сил, и слишком быстро.

– Может быть, потом, по мере освоения, будет проще? – Похоже, она раньше и в самом деле не задумывалась над вопросом использования.

– Может быть, – согласился я. – А может быть, и нет. Надо бы поспрашивать у старших, наверняка кто-нибудь хоть что-то об этом знает.

– Я у Лины спрашивала, она про это не слышала.

– Алина теорией не особо интересуется, так что я не удивлён, – хмыкнул я. – Я поговорю с Ганой. Если и она не знает, тогда, наверное, никто не знает.

* * *

В середине зимы князь, как обычно, устраивал традиционный приём для дворянства княжества. Не для всего дворянства, конечно – представители молодых семей приглашались нечасто, да и гербовое дворянство присутствовало там не в полном составе. Если глава аристократической семьи не получал приглашения, это свидетельствовало о серьёзном недовольстве князя, и рассматривалось как предупреждение. Игнорировать это предупреждение или нет – каждый решал для себя сам. К примеру, Греки последние лет десять приглашений не получали, но по этому поводу явно не расстраивались. Правда, и кончилось это для них плохо. Хотя надо заметить, что это работало и в другую сторону – если семейство игнорировало приглашение, это трактовалось как признак наличия каких-то претензий к князю. Так что общество всегда внимательно отслеживало, кто присутствовал на княжеском приёме, и почему того-то и того-то там не оказалось.

Мама стала получать приглашения, когда аттестовалась на девятый ранг и получила уже личный голос в Совете Лучших, а не как временная глава семейства. И приглашения, и Совет Лучших она привычно игнорировала. Меня же князь заметил, когда я построил «Мегафон» и наши мобилки буквально ворвались на рынок артефактов, но первое приглашение я получил лишь в семнадцать лет, когда стал полноправным главой. На приёме я, разумеется, побывал – я не мама, чтобы устанавливать свои правила. Да и она начала посещать эти приёмы после своего возвышения, когда князь лично разъяснил ей, что если такие люди, как она, игнорируют княжеские приглашения, то это производит неправильное политическое впечатление.

Забавно, что приём приходился как раз на окончание зимней сессии. У князя, конечно, и мысли не было подстраиваться под сессию Академиума, но для нас с Ленкой это выглядело именно так, очень уж удачно время совпадало. Сессию мы, кстати, сдали исключительно на «превосходно» к немалой досаде Магды Ясеновой – она считала, что сдавая настолько хорошо, мы подаём дурной пример остальным студентам, показывая им, что можно пропускать занятия и при этом быть отличниками.

Мы с Ленкой некоторое время бродили, раскланиваясь и изредка останавливаясь перекинуться несколькими словами со знакомыми. Первая часть приёма, пока присутствовал князь, считалась как бы официальной, где занимались в основном тем, что показывали себя обществу и князю. Потом князь покидал приём, и общение становилось более оживлённым – там уже можно было и поговорить на серьёзные темы, или просто вместе выпить. Скандалы тоже случались, но очень редко – за скандал на княжеском приёме можно было надолго лишиться приглашений, и если кто-то вроде Греков это мог легко пережить, для рядового аристократа это означало заметное падение статуса.

Наконец князь направился к выходу, благосклонно кивая в ответ на поклоны, и народ оживился. Визуально ничего не изменилось, но атмосфера стала немного другой – сразу появилось ощущение, что публика расслабилась и почувствовала себя свободнее. Народ начал понемногу кучковаться по интересам; Ленка тоже направилась в один из дамских кружков к каким-то подружкам. А я остался на месте, пытаюсь сообразить, к кому здесь у меня есть дела, и с кем стоит поговорить в первую очередь. Долго в одиночестве мне стоять не пришлось – почти немедленно возле меня возник Богдан Воцкий. Знал я о нём не так много – семейство Воцких

традиционно занималось машиностроением, а для нас до недавних пор это было скорее обузой, которую мы неожиданно получили вместе с «Мишиком».

– Здравствуйтесь, господин Кеннер, – приветствовал он меня. – Скучаете?

– Здравствуйтесь, господин Богдан, – вежливо улыбнулся ему я. – Скучал бы, не будь здесь столько интересных людей.

– А вы мастер формулировок, однако, – усмехнулся он. – Да и не только формулировок. С четвёртым механическим вы неплохо меня обошли.

Я вспомнил, что Воцкие тоже на него претендовали, и судя по всему, довольно активно давили на князя – насколько на князя Яромира вообще можно было давить.

– Я получил его совершенно честно, – заметил я. – У меня просто было лучшее предложение для князя.

– В вашей честности я и не сомневался, – ответил на это Богдан. – Хотя должен заметить, что в обществе о вас с князем бродят определённые слухи...

– Они совершенно ложные, могу вас уверить, – поморщился я. – Мой отец – мещанин, слуга рода Ренских.

– Про него ничего не известно, и вы наверняка понимаете, что это создаёт почву для слухов.

– Мы про него не говорим, потому что наша семья им не гордится, и знать его не хочет. Причины для этого чисто семейные. А что до слухов... признаюсь вам – они мне довольно сильно вредят. К счастью, князь знает, что это не я их распускаю, но всё равно, определённый осадок от них остаётся.

– И всё же, завод Лахти он передал именно вам, – заметил он. – Стало быть, эти слухи не так уж сильно вам повредили.

– У меня и в самом деле было очень хорошее предложение для князя, которое перебило вашу ставку. И кстати замечу – у меня сложилось впечатление, что он не так уж хотел передавать завод вам. У вас уже сейчас слишком сильная позиция в машиностроении, а вы наверняка знаете, как наш князь относится даже к намёку на монополию.

– Здесь вы правы, – признал Воцкий. – Вполне возможно, что это сыграло свою роль. Но наш разговор зашёл куда-то не туда. Я вовсе не собирался предъявлять вам какие-то претензии, у меня и в самом деле нет сомнений в вашей порядочности. Я хотел поговорить о другом – скажите, вы знаете о предстоящем конкурсе на новую гусеничную платформу для княжеской дружины?

– Спросите лучше, кто об этом не знает, – хмыкнул я. – А я всё же машиностроитель, хоть и новичок в вашей компании.

– Вы собираетесь участвовать?

– Собираюсь, – утвердительно кивнул я.

Да, теперь уже собираюсь. На днях от князя мне настоятельно посоветовали подать заявку на этот конкурс. Я так удивился, что до меня не сразу дошёл смысл такого поразительного поворота. Зато когда я немного подумал, идея оказалась простой и очевидной – мою заявку демонстративно провалят, и таким образом князь покажет всем, что я вовсе не его любимчик, а просто один из многих, которому немного повезло, но дальше так везти уже не будет. В общем-то, это и в моих интересах – завистники мне ни к чему, их и так уже образовалось слишком много.

– Я собирался предложить вам подать совместную заявку.

– Зачем это вам? – поразился я. – Ваши шансы получить этот контракт весьма высоки, а моё участие сведёт их на нет.

На самом деле совершенно понятно, зачем это ему – здесь вполне прозрачный расчёт на мои хорошие отношения с князем, а особенно на мою широко известную дружбу с Драганой, которая, вот же удивительное совпадение, будет председателем конкурсной комиссии.

– Почему вы так думаете? – не понял Богдан.

– Потому что если я вдруг выиграю, то это окончательно укрепит общественное мнение в разных нежелательных фантазиях. Ни мне, ни князю это не нужно. Да даже без этого моя позиция не особо сильна – я пока новичок в машиностроении, и доверия ко мне мало.

– Тогда зачем вы собираетесь участвовать? – спросил окончательно сбитый с толку Воцкий.

– Чтобы заявить о себе, – сообщил я, в общем-то, довольно очевидную вещь. – Если я не буду участвовать в значимых событиях отрасли, я так и останусь непонятым чужаком.

Что, кстати, является чистой правдой, просто немного не всей правдой. Да и участвовать совместно я мог бы вполне результативно, например, в качестве теневого партнёра, что я и собираюсь проделать вместе с Буткусом. Просто Буткус мне в данный момент нужней, так что извини, Богдан.

Я вежливо попрощался и покинул глубоко задумавшегося Воцкого. Интересно, он единственный, кому пришла в голову гениальная идея использовать меня, или же мне придётся повторять эту историю всем и каждому?

Я немного погулял по залу, ни с кем не останавливаясь надолго. В сторонке я разглядел маму с Ленкой, которые довольно оживлённо общались с двумя очень молодо выглядящими дамами. Именно дамами – девушками я бы назвать их не рискнул, потому что одну из них я раньше мельком встречал, и она точно была Высшей. А потом я наткнулся на Драгану, которая очень удачно в этот момент оказалась свободной, и я немедленно её ангажировал. Действительно удачно получилось – похоже, что к ней было что-то вроде очереди, а я непринуждённо пролез вперёд всех.

– Кен, как хорошо, что ты мне подвернулся, – обрадовалась Драгана. – Постой со мной немного.

– Просители замучили? – догадался я.

– Как взбесились, – пожаловалась она. – Не знаю, куда деваться. Как только было объявлено, что я стану председателем конкурсной комиссии, меня просто в осаду взяли. Уже подумываю сказать Яромиру, чтобы он назначил кого-нибудь другого.

– А чего ты хотела? Учитывая сумму контракта. Вообще-то, я с тобой тоже хотел на эту тему поговорить.

Драгана страдальчески закатила глаза.

– И ты туда же! Кен, ты не получишь этот контракт.

– Да я знаю, – небрежно махнул я рукой. – Князь просто хочет громко прокатить меня с заявкой, чтобы все увидели, что он мне не покровительствует. Очень хорошая идея, кстати. Нет, я планирую взять кусок контракта через субподряд. Большой кусок.

– И ты сейчас объяснишь, что мне это выгодно, потому что я совладелец мастерской, так?

– Что за глупости? – оскорбился я. – Я что, настолько похож на идиота?

– А как ты собрался аргументировать?

– Интересами княжества, разумеется.

Драгана захохотала, вытирая слёзы.

– Кен, ты просто прелесть, – проговорила она сквозь смех. – Правильно Яромир как-то заметил, что если бы ты не был аристократом, то обязательно стал бы мошенником. Ты всегда найдёшь веские доводы, почему другим людям необходимо, чтобы ты разбогател.

– Вот сейчас обидно было, – заметил я. – Между прочим, я всегда действую совершенно честно, без всяких хитростей и подтасовок. И всегда подробно объясняю, что я делаю и почему.

– Вот это больше всего и удивляет, – кивнула Драгана. – Каким-то образом интересы всех в округе, да и вообще интересы княжества всегда совпадают с твоими.

– Это называется патриотизм, Гана, – назидательно сказал я.

– Спасибо, что объяснил, теперь буду знать, – фыркнула она. – Ну ладно, ты меня заинтриговал. Кого ты выставляешь в качестве витрины?

– Айдаса Буткуса. Знаешь такого?

– Буткуса? Товарища председателя Промышленной палаты? У него же есть проблемы с допуском к военным заказам из-за ограничений гражданского ценза. Ты что – не мог найти вариант получше?

– Для себя я бы, конечно, нашёл вариант получше, но в интересах княжества отдать контракт именно Буткусу. А вопрос с гражданским цензом решается передачей части контракта на субподряд. Буткусу остаётся только часть, для которой нет ограничений ценза.

– Довольно небольшая часть.

– Ну да, а остальное я субподрядом заберу себе.

– Здорово придумал, – покивала она. – А теперь объясни, почему княжество в этом заинтересовано.

– Там много деталей, надо отдельно встретиться и разобрать подробно, возможно, вместе с князем. Но если в двух словах – ты знаешь, что банки Зепперов попались на многолетней недоплате налогов?

– Яромир что-то такое упоминал...

– Там суть в том, что они использовали фирмы однодневки, зарегистрированные в основном в Ливонии, поэтому на нашей стороне всё было чисто. Ну, скорее, сомнительно, но никаких доказательств. А я через епископа Дерптского получил доступ к ливонской документации, и наши люди раскопали массу интересного. Масштаб недоплат за эти годы порядка трёх миллионов гривен, и это чистая недоплата, без штрафов.

– Цифра впечатляет, – согласилась Драгана, – но при чём тут ты?

– Сейчас непонятно что с Зепперами делать, на них завязаны многие контакты с Ливонией. Если начать их всерьёз трясти, можно сильно испортить отношения с соседями. Зепперы могут повернуть изящный финт – просто вывести деньги и обанкротить банки, обвинив княжество. Представь, как это понравится людям в Ливонии.

– Продолжай, – кивнула явно заинтересованная Драгана.

– Так вот, – продолжил я, – Буткус – это деньги ордена. Отдавая контракт ему, мы налаживаем отношения с магистром, и я договорился, что в ответ они выведут свои счета от Зепперов. С фон Хервартом тоже можно будет решить, тем более, мы с ним уже компаньоны. Из крупных инвесторов остаётся рижский архиепископ, но с ним проще. Во-первых, это человек уходящего папы, и отношения с ним в любом случае перспективы не имеют, а во-вторых, даже угрозы вывода орденских денег, скорее всего, будет достаточно, чтобы принудить Зепперов к хорошему поведению.

– Неплохо ты закутил, Кен, – задумчиво сказала Драгана. – Но интересы княжества здесь действительно прослеживаются. Не скажу, что ты меня убедил, но обсудить это подробнее определённо стоит. Давай сделаем так – я поговорю с Яромиром, мы все соберёмся, и ты расскажешь нам подробнее.

– Хорошо, – согласился я. – Я подготовлю уже более подробный доклад с планом действий. А кстати, – вдруг вспомнил я момент из разговора с Буткусом, – ты, случайно, не знаешь, кто такие кананитяне?

– Случайно знаю, – она посмотрела на меня удивлённо. – Это общество святого апостола Симона Кананита⁴. Это люди папы, занимаются продвижением римского христианства, в основном грязными методами. Кананитян у нас, кстати, казнят без суда. Где ты с ними столкнулся?

⁴ Симон Кананит (что в переводе с арамейского означает «ревнитель»), также известный как Симон Зилот – один из двенадцати апостолов Иисуса Христа. Кананитяне мира Кеннера похожи на иезуитов нашего мира.

– Пока не столкнулся, – отрешённо сказал я, пытаюсь поймать ускользающую мысль, – но может, и столкнусь.

Глава 3

– Попахивает у вас, – заметила Кира с оттенком брезгливости.

Встречавший её у входа заводу управления Аксён Белава, управляющий четвёртого механического, виновато развёл руками.

– Увы, госпожа, нам остаётся только ждать, когда всё выветрится само собой. До сих пор находим останки вредителей в самых неожиданных местах. Мы пытались найти специалистов по очистке и обеззараживанию, которые избавили бы нас хотя бы от запаха, но никто не взялся.

– Печально, печально, – рассеянно согласилась Кира. – Ну что же, будем ждать, когда выветрится.

– Прошу прощения, госпожа, – на всякий случай извинился Белава, – ваша секретарша предупредила меня о вашем визите, но отказалась сообщить его цель.

– Всё верно, – кивнула Кира. – Нашими правилами строго запрещено обсуждать конфиденциальную информацию по телефону.

– Очень разумное правило, – заметил Аксён, – однако в результате у меня не было возможности подготовиться.

– Не беспокойтесь, почтенный, это не будет поставлено вам в вину. Что же касается цели моего визита – я здесь для инспекции предприятия в связи с неожиданно открывшимися возможностями. Сейчас я сообщу вам кое-какие конфиденциальные сведения, и мы вместе с вами подумаем, что мы можем сделать, и что для этого нужно. Вы слышали о конкурсе дружины на универсальную гусеничную платформу?

– Разумеется, слышал, – подтвердил Белава, буквально превратившись в слух. – В отрасли это называют контрактом века.

– Преувеличивают, конечно, – пожалала плечами Кира, – но контракт и в самом деле немаленький. Так вот, бóльшая его часть должна отойти нам. И сегодня я хочу осмотреть завод и выяснить, насколько он готов к подобной загрузке. А вы в самое ближайшее время также подготовьте доклад, какие мощности предприятия можно высвободить, и какую часть контракта вы в состоянии взять на себя.

– Это прекрасная новость, госпожа! – с восторгом воскликнул управляющий.

«Ещё бы ты не обрадовался», – усмехнувшись про себя, подумала Кира. Стандартный контракт управляющего в семействе Арди подразумевал участие в прибылях, и заказ такого масштаба обещал просто гигантские выплаты.

– Помните, почтенный, что это большой секрет, – строго предупредила она. – Даже князь ещё не знает, что мы собираемся выиграть этот конкурс.

– Я всё понимаю, госпожа! – заверил её Белава. Он мимолётно нахмурился, пытаясь понять фразу насчёт князя, но в конце концов решил пропустить её мимо ушей. – Вы желаете осмотреть завод?

– Давайте пройдем по основным цехам, а потом поработаем с бумагами, – предложила Кира. – Кстати, в каком состоянии сейчас находится завод?

– Завод функционирует процентов на восемьдесят, – прикинул управляющий, бережно направляя её в сторону ближайшего цеха. – Этого хватает для выполнения текущих заказов, ну а для новых заказов надо ускорить восстановление.

– Вот и подумаем вместе, что можно сделать с графиком работ, – откликнулась она. – Нам нужна полная уверенность, что вы справитесь со своим объёмом работ, в противном случае мы перераспределим объёмы в пользу других наших заводов.

– Этого не потребуется, госпожа, – твёрдо заверил её Аксён. – Мы справимся.

– Уверена в этом, почтенный, – благосклонно кивнула Кира.

– Кстати, госпожа, – после некоторого колебания заговорил Белава, видя, что начальство в хорошем расположении духа, – наши сотрудники попросили меня передать вам просьбу.

– Какую просьбу? – слегка удивилась та.

– Насчёт договоров служения. Те сотрудники, которые не подписали их тогда, хотели бы подписать их сейчас.

– Ах, они хотели бы подписать, – нахмурилась Кира, и управляющий обругал себя, почувствовав, что её настроение резко изменилось. – А давайте, почтенный, взглянем на это с точки зрения нашего семейства. Когда мы только пришли сюда и были здесь чужими, нам нужны были люди, на которых мы могли бы опереться. И мы предложили им договоры служения. Неординарный шаг, согласитесь – договоры служения заключаются далеко не со всеми. И каков был результат? Из пятидесяти с лишним человек договор подписало двенадцать. Двенадцать! Скажу вам откровенно, почтенный – семейство восприняло это как оскорбление. Да и как иначе это можно было воспринять?

Она пристально посмотрела на Аксёна, и тот невольно поёжился, ещё раз обругав себя, за то, что вообще согласился передать эту просьбу.

– Тогда это был чужой завод, и мы надеялись найти среди них людей, которые стали бы для нас надёжной опорой. Безуспешно надеялись, но это уже другой вопрос. Сейчас же вопрос стоит так: зачем это нам? Завод теперь наш, и эти люди уже наши сотрудники – так для чего нам повторно оказывать им эту честь, после того как они плюнули в протянутую руку?

Управляющий уже желал провалиться под землю.

– И скажу вам больше, почтенный – среди отказавшихся было два человека из тех, кому мы бы предложили договоры служения в любом случае, просто по уровню занимаемых должностей. Я говорю о вашем заместителе и о главном технологе. И то, что они отказались этот договор подписать, поднимает вопрос об их лояльности.

– Они лояльны, – вздохнул Белава.

– Вы готовы лично за них поручиться? – внимательно посмотрела на него Кира.

– Я верю, что они лояльны, но я не готов поставить свою карьеру, и возможно, жизнь, на посторонних людей, – мрачно отозвался тот, чувствуя себя загнанным в угол.

– Разумная позиция, – одобрительно кивнула она. – Вот и мы не готовы им доверять. Но раз уж вы уверены в их лояльности, из уважения к вашему мнению я не стану их увольнять не глядя. Я отдам распоряжение проверить их нашей службе безопасности, и именно она будет решать, можем мы им верить или нет. И довольно об этом.

Управляющий мрачно кивнул, подумав, что эти сорок неподписавших, похоже, окончательно погубили свою карьеру, получив в личные дела отметку о нелояльности. И вполне возможно, что переход на другой завод не поможет, потому что отметка перейдёт вместе с ними.

До цеха они шли в молчании. Кира думала о чём-то своём, а у управляющего не было ни малейшего желания опять вылезать с какими-то разговорами после такого фиаско. Заговорил он уже позже, когда они осмотрели длинные ряды тяжёлых бронеходов разной степени готовности, и к Кире вернулось прежнее благосклонное настроение:

– У меня есть служебный вопрос, госпожа, который необходимо обсудить с вами.

– Слушаю вас, почтенный, – поощрительно кивнула она.

– Я получил на днях распоряжение готовиться к выводу наших счетов из банкирского товарищества «Ладоба». Это действительно необходимо?

– А как иначе? – удивилась в ответ Кира. – Этот банк принадлежит семейству Зепперов, с которым у нас отношения скорее враждебные, и обслуживает он исключительно группировку Греков, для которых мы тоже вовсе не друзья.

– Ко мне вчера приезжал их представитель. Они предложили очень хорошие условия, если мы останемся.

– С чего бы вдруг они о нас забеспокоились?

– Он особо не распространялся, но как я понял, к ним приехал какой-то очень большой начальник с инспекцией, и они там сейчас все ходят на головах. Пытаются убедить его, что дела идут отлично. Наш уход будет для них большим минусом, так что сейчас есть хороший шанс выбить из них действительно уникальные условия.

– Большой начальник, говорите? – задумалась Кира. – Неужели кто-то из Зепперов? Интересно, интересно. Знаете, почтенный, мы, конечно, требуем согласования подобных вопросов, но очень редко вмешиваемся. Обычно мы оставляем это на усмотрение управляющего, вот только этот случай совсем не выглядит обычным. Здесь сильно замешана политика, и даже моих полномочий не хватит, чтобы решить этот вопрос. Его будет решать лично господин. Я доложу ему, а вы пока ожидайте дальнейших распоряжений.

* * *

Сегодня на город обрушилась метель. Ветер завывал в трубах, а за окном почти ничего не было видно из-за стремительно несущихся снежинок. Я заметил силуэт маленького трактора, который не особенно успешно разгребал дорожки, но он очень быстро потерялся в круговерти метели. Я покачал головой и отвернулся от окна.

К счастью, сегодня был выходной, а ехать куда-то развлекаться ни у кого не было ни малейшего желания. Вся наша небольшая семья собралась в сиреневой гостиной у камина. Я смотрел на огонь в камине с задумчивым видом, при этом ни о чём конкретно не думая. Ленка, забравшись с ногами в огромное кресло, что-то лениво чиркала в альбоме для эскизов, ну а мама читала только что вышедший из печати новый дамский роман, наделавший в обществе немало шуму. Наделавший шуму среди дам, конечно – мужчин он не особенно заинтересовал. Что, разумеется, совсем неудивительно – я давно заметил, что дамские романы – это, по сути, романы о мужчинах, причём мужчины в них всё какие-то странноватые. Впрочем, откуда бы мне разбираться в мужчинах? Возможно, с точки зрения женщин, мы такие и есть, странноватые.

– Как хорошо сидеть вот так вот, семьёй, – удовлетворённо вздохнул я. – Это просто безобразие, что мы так редко встречаемся. Скоро друг друга узнавать перестанем.

– Ну надо же, какая мысль тебя посетила! – саркастически фыркнула мама. – Я уже и не надеялась, что она когда-нибудь тебе в голову придёт.

Я немедленно почувствовал себя виноватым, а от Ленки донеслась неумело подавленная волна веселья.

– Вообще-то ты сама всё время в клинике, – попытался я перейти в нападение.

– Вообще-то я каждый вечер дома, – насмешливо взглянула на меня мама. – Ты просто этого не знаешь, потому что тебя никогда дома нет.

Попытка атаки с треском провалилась.

– Вообще-то нам приходится и работать, и учиться, – я перешёл в глухую оборону.

– Только это тебя и извиняет, – проворчала мама.

Забавная мысль вдруг пришла мне в голову – а чем я отличаюсь от неимущего студента, который днём учится, а вечером разгружает вагоны? Наверное, только тем, что я на работе сижу за столом, а не таскаю мешки, да езжу в лимузине, а не на конке. Не то чтобы я давлю на жалость, но ведь если разобраться, разница и в самом деле не так уж велика. Богатые, как уже было замечено, тоже плачут ещё как.

– А знаешь, Кени, – вдруг сказала мама, – меня давно уже занимает вопрос – зачем ты всё это делаешь? Ты нагрёб уже столько, что сам, наверное, не помнишь, что у тебя есть. Тебе не кажется, что это начинает походить на бессмысленное стяжательство?

– Не у меня есть, а у нас есть, – недовольно заметил я. – У тебя всё это тоже есть – мы семья, помнишь?

– Извини, – улыбнулась она. – Я, конечно же, неправильно выразилась. Но тем не менее – ты не находишь, что всё это уже лишнее?

– Ну ты же зачем-то постоянно расширяешь свою клинику?

– Она нужна мне, чтобы расти дальше, – невозмутимо ответила мама. – Я целитель, мой путь состоит в том, чтобы исцелять, и клиника мне необходима. Пока необходима. Открою тебе небольшой секрет – я очень далеко продвинулась за последние два года, и уже могу исцелять не только людей.

– Ты имеешь в виду, что можешь работать ветеринаром? – с недоумением переспросил я.

– Нет, – засмеялась она, – я опять неточно выразилась. Просто у меня в клинике только люди, вот я и сказала так. На самом деле я имела в виду не именно людей, а живые существа вообще.

– Это как?

Она встала, подошла к камину и взяла в руки кочергу – антикварную, и оттого, естественно, порядком побитую жизнью. Мама сосредоточилась, кочерга неуловимо поплыла, и через мгновение оказалась новой и блестящей.

– Ооо, – восхищённо протянула Ленка.

– Впечатляет, – признал я. – Да что там – просто потрясает. Хотя превращать дорогие антикварные вещи в дешёвые новоделы – это, наверное, не самое удачное применение. Но я вижу другие интересные варианты, например, реставрация картин.

– Не работает, – грустно сказала мама. – Я тоже сразу об этом подумала. Холст восстанавливается, а краски просто осыпаются.

– Что-то испортила? – догадался я.

– Ерунда, – махнула она рукой. – Так себе была картина. Дорогостоящая мазня. В общем, какого-то разумного применения я для этой способности не нашла.

– Ну, по крайней мере, ты сможешь открыть ремонтную мастерскую, если тебе надоест твоя клиника. По ремонту гантелей и гирь. Вообще удивительно, что такие, на первый взгляд, многообещающие вещи на поверку оказываются почти бесполезными. Уже не первый раз такое наблюдаю.

– Не уходи от ответа, Кени, – мягко улыбнулась мама. – Я ответила на твой вопрос насчёт клиники, теперь твоя очередь. Зачем ты всё это делаешь?

Почему сложнее всего отвечать на простые вопросы? Наверное, потому, что они требуют такого же простого и ясного ответа, и их невозможно утопить в пустословии. Я надолго задумался – и правда, зачем я всё это делаю?

– Я не могу дать тебе простой ответ, мама, – наконец я привёл свои мысли в относительный порядок. – Простой ответ: потому что могу, но такой ответ ни на что не отвечает. Более сложный ответ: я хочу быть свободным и независимым, а свобода стоит очень дорого, если ты, конечно, не живёшь в глухом лесу.

– Для того чтобы быть свободным, тебе достаточно просто возвыситься, – заметила мама. – Нет, если вообще, то это очень непросто, но для вас с Леной это дело практически решённое. Я это чувствую, да и не только я. Та же Ивлич – думаешь, она просто так вокруг тебя увивается?

– Насчёт увивается – это ты опять невпопад выразилась, – хмыкнул я. – Да и вообще ты слишком упрощённо судишь. Она, конечно, интриганка, и наши перспективы тоже её заинтересовали, но подружилась она с нами вовсе не поэтому. Не забывай, что я довольно сильный эмпат, и меня довольно сложно обмануть фальшивой искренностью. А в данном случае просто невозможно – ни у кого не получится так долго имитировать эмоции.

– Хорошо, не будем об Ивлич, – поморщилась мама. – Я, наверное, предвзята, но пока что ей не вполне доверяю. Так всё-таки – почему тебя не устраивает свобода через возвышение?

– Например, потому что я хочу, чтобы у нас была большая семья, а в ней далеко не все смогут стать Высшими. Наши с Леной дети, твои дети, дети наших детей... Мы сумели получить источник, и они, скорее всего, будут одарёнными. Но чтобы этот источник у наших потомков не отобрали, семья должна быть сильной. А это значит, что у нас должна быть дружина, которая будет нас защищать, заводы, которые будут кормить дружину, служба безопасности, которая будет охранять заводы. Одно тянет другое. Если мы не будем сильными, нас обязательно кто-нибудь нагнёт под себя – ради нашего имущества, ради нашего источника, ради наших голосов в Совете Лучших. Знаешь, у меня частенько возникает желание сказать: «Хватит!» и выйти из этой гонки, но я пока не чувствую, что наше положение надёжно. А чем сильнее мы становимся, тем больше мне приходится влезать в политику.

– Тебе не обязательно туда влезать, Кени.

– Это не от меня зависит, мама. Даже если я громко объявлю, что мы не имеем ничего общего с Драганой Ивлич, никто мне не поверит. Нас всё равно будут считать её союзниками, так что у нас точно так же добавится врагов. Лучше уж с ней объединиться, тогда хотя бы добавятся и друзья. Никто не позволит сильной семье быть независимой, её обязательно куда-нибудь втянут.

– Здесь чувствуется какое-то противоречие с твоей целью быть независимым, не находишь?

– Не смешивай мою личную независимость и независимость семьи, – отозвался я. – Я, как личность, смогу стать независимым через возвышение, а вот у семьи независимости не будет. Всё, что я могу – это сделать семью достаточно сильной, чтобы мы были хотя бы игроками, а не пешками.

– Угум, – неопределённо хмыкнула мама, и мы замолчали, глядя на огонь в камине.

Внезапно подала голос Ленка, которая до этого не вмешивалась в разговор, с любопытством наблюдая за нами из глубины своего монструозного кресла:

– Так что там насчёт планирования семьи? Вы что-то этот момент совсем мельком затронули.

– А что насчёт этого? – удивился я. – Мы же вроде этот вопрос обсудили и решили подождать до диплома. А если ты про количество детей, так я полностью доверяю это тебе. Столько, сколько сама захочешь.

– Насчёт количества я сама пока ещё не решила, – смутилась Ленка. – Ну с нами примерно понятно – как получим дипломы, начинаем трудиться в целях расширения семьи. А ты, мама – у тебя какие планы?

– У меня? – растерялась мама. Меня она, конечно, обрубил бы сразу, но от Ленки она явно такого предательского удара не ждала.

– Ну да, у тебя, – безжалостно продолжала Ленка. – Мы вот готовимся расширить семью, а ты что по этому поводу думаешь?

– Эрик не хочет детей, – растерянно призналась мама. Здорово Ленка её подловила. Полностью выбила из колеи – вот что значит правильно нанесённый удар в нужное место и в нужное время. Пресловутое женское коварство в действии.

– Женщины могут же и не спрашивать, – заметил я.

– Эрик – одарённый, – мама посмотрела на меня, как на слабоумного. – Странно от тебя такое слышать.

И в самом деле – у меня совершенно вылетело из головы, что даже не очень сильные одарённые вполне способны контролировать репродуктивную функцию. Во всяком случае те, кто не поленился освоить эту несложную методику.

– Забыл просто, – неловко оправдался я. – У нас за это Лена отвечает.

– Мужчины, – закатила глаза мама.

– Ну да, мы бестолковые никчемушники, – покладисто согласился я. – Но мне непонятно, почему Эрик не хочет детей. Чего ему не хватает?

Мама немного поколебалась, явно размышляя, не послать ли нас подальше.

– Он жениться хочет, – всё же решила ответить она.

– То есть он хочет, чтобы дети родились в законном браке, а ты не хочешь – так что, ли? – поразился я. Нет, что за сумасшедший мир, всё здесь у них вверх ногами.

– Что ты мне всё Эрика сватаешь? – недовольно проворчала мама.

– Потому что работа не заменяет семью, это ненормально, – объяснил я. – А Эрик достойный человек, он нам нравится. Мы с Леной не против видеть его в нашей семье.

– Не дави на меня, Кени, – хмуро сказала мама. – И вообще, хватит об этом, я и так слишком разговорилась.

Глава 4

Антон Кельмин выглядел необычно. Если выразиться конкретнее, он выглядел здорово выбитым из колеи, и для него это было действительно очень необычно. Я с любопытством наблюдал за ним, гадая, какая такая чрезвычайная проблема привела его ко мне настолько срочно, да ещё и в подобном состоянии.

– Дело у меня такое... – он поколебался, пытаюсь получше сформулировать свою мысль, но похоже, не очень успешно. – В общем, мои люди, как вы и приказывали, следят за нашими сотрудниками...

– Мне не нравится слово «следят», – заметил я. – Давай лучше говорить «присматривают». Следить за ними ведь и в самом деле не надо. Нужно всего лишь обращать внимание на необычные вещи – странные зачисления на счёт, непонятные знакомства, нетипичную активность. Но продолжай, Антон, извини, что прервал.

– Да, господин, – кивнул он. – Стало быть, мои люди, которые присматривают за Есенией Ждановой, заметили странное поведение. Ну знаете, как бывает у дилетантов, которые опасаются слежки? Они постоянно озираются, резко меняют направление движения, внезапно останавливаются и начинают рассматривать зеркальные витрины. В общем, действуют, как шпионы в визионе, так что всем прохожим сразу становится любопытно, что происходит. Стражникам обычно тоже.

– Стало быть, наша Есения вдруг забеспокоилась о слежке? – заинтересовался я. – Рассказывай дальше.

– Мои люди, естественно, тоже обратили на это внимание. Она немного попетляла, потом села в машину, причём без шофёра, вела сама. Парни проследили её маршрут и выяснили, что она направлялась в Холынку.

– Холынку? – переспросил я.

– Городская тюрьма⁵ общего режима для совершивших преступление впервые. Причём преступление не из списка тяжёлых. В общем, тюрьма для мелких преступников.

– И что она там делала?

– Пока не знаем, ищем подходы к сотрудникам тюрьмы. Я прошу разрешения на полную разработку.

– Не надо никакой разработки, Антон, – вздохнул я. – Подходы к тюремщикам ищи, конечно, в жизни всё пригодится. А что касается Есени, то я знаю, что она там делала. Она была у меня буквально час назад и всё рассказала.

– Надо же, как совпало, – удивился Кельмин.

– Я в совпадения не верю, и ты тоже не верь, – посоветовал я. – А вот во что я легко поверю, так это в то, что она засекала твоих парней и решила идти признаваться самой, пока ей не начали задавать неудобные вопросы. Кстати, то, что она заметила слежку, многое говорит о качестве слежки. Не думаю, что она проходила какую-то специальную подготовку, наверняка твои остолопы просто слишком мелькали. Хотя её биографию на всякий случай незаметно проверь.

– Проверю, – кивнул он. – Но я не думаю, что найду там что-нибудь. И скажу прямо, если позволите – я вообще не верю, что есть смысл присматривать за слугами семейства. Мы все клялись на крови, никто из нас просто физически не сможет предать.

– Физически не сможет, говоришь, – усмехнулся я. – Знаешь, Антон, я предпочёл бы тебе это не говорить, но ты обязан знать: клятва не препятствует предательству. Затрудняет, но не

⁵ В нашем мире Холынка – маленькая речка на юго-востоке Новгорода, приток небольшой реки Мсты. Судя по названию, тюрьма расположена где-то в её районе.

так уж сильно. Кстати, в отношении наших сотрудников я предпочитаю слово «нелояльность». «Предательство» – это всё же слишком серьёзное слово, не стоит его употреблять без веских оснований.

– Как это клятва не препятствует предательству? – в полной растерянности переспросил Кельмин. Похоже, я его ввёл в состояние культурного шока – он и мне не может не верить, и принять крушение незыблемой истины тоже не может, вот и разрывается.

– Понимаешь, это одна из тех вещей, о которых люди слышат с детства, и настолько к этому привыкли, что даже не пытаются подвергать сомнению. Это что-то вроде абсолютной истины. Кто знает, тот молчит, но если бы ты немного подумал, то и сам бы всё понял. Это же очень просто – предатель никогда не считает себя предателем. Ну вот для примера представим такую ситуацию: мать кормит ребёнка с ложечки чем-то очень вкусным. И в один прекрасный момент, когда он доверчиво разевает рот, она вливает туда горькое лекарство. Это предательство?

– Ну какое же это предательство? – неуверенно возразил он.

– В чистом виде предательство, – хмыкнул я. – Подлый обман доверившегося тебе близкого человека. Для ребёнка это будет драмой, возможно. Мы просто не воспринимаем это как предательство, потому что понимаем, что она делает это для блага ребёнка. То есть некоторые виды предательства таковыми как бы не являются.

Кельмин медленно кивнул, начиная осознать ситуацию.

– И точно так же тебя можно подвести к мысли, что, например, я веду семейство к пропасти, и если меня не остановить, то мы все обречены, и что единственный способ спасти семейство – это убить меня. И для тебя это будет не предательством, а спасением семейства от безумного главы.

– Меня к такой мысли подвести невозможно, – угрюмо возразил он.

– Не зарекайся, – усмехнулся я. – Грамотный манипулятор может очень многого добиться, действуя издалека и постепенно. Ну хорошо, с тобой не получится, с кем-то другим получится. Это просто пример, что умелой манипуляцией человека можно убедить практически в чём угодно. А есть ещё люди, для которых имеют значение только они сами. Для таких незамутнённых личностей другие люди – просто тени, декорации в театре. Для них концепция предательства вообще не имеет смысла, для них любая клятва недействительна. Ты ведь не можешь предать декорацию, верно?

Правильней было бы сказать, что такие воспринимают других людей как неписей в онлайн-новой игре, но этот мир ещё не дошёл до виртуальности, так что пришлось подбирать подходящую аналогию.

– Я понял, господин, – мрачно сказал Кельмин. – Действительно, всё просто. И какой тогда смысл в этой клятве на крови?

– Смысл есть, конечно. Смысл был бы, даже если бы эта клятва была просто словами. Любая клятва ограничивает. Ты, кстати, не болтай о нашем разговоре – хоть это и не секрет, болтать об этом всё равно не стоит. Кто способен додуматься сам, тот и додумается, а кто не способен, тому и не надо.

Я вдруг поймал себя на том, что начал вести себя в духе этого мира. Раньше меня всегда поражала такая повсеместно принятая позиция: «это не секрет, мы просто об этом не говорим», и вот теперь я и сам так говорю и делаю. Похоже, полностью проникся.

– Даже мысли не было болтать, господин, – хмуро сказал Антон. Выглядел он подавленно – осознание, что на клятвы больше нельзя полагаться, радости ему явно не добавило.

– Ну и ладно, – согласно кивнул я. – Не бери это в голову, просто имей в виду, что такая вероятность есть. Для того и нужно приглядывать за слугами, чтобы вовремя выявить попытки манипуляции или выверты психики. Но мы сильно отвлеклись от истории со Ждановой. История там простая: у Есении есть племянник, сын её покойной сестры. Мы про него

даже не знали, потому что интересуемся только ближайшими родственниками, однако он жил с ней с восьми лет и был ей как родной сын. Сейчас ему девятнадцать. Год назад он связался с какой-то уличной бандой и стал соучастником грабежа. Или, возможно, не стал – Есения настаивает, что его подставили. В результате он получил семь лет, а остальные участники свалили всё на него и отделались условными сроками.

– Что-то много ему дали, – заметил Кельмин.

– Получил по максимуму. Потерпевшего там избили, а он оказался организатором и главным исполнителем.

– А остальные, стало быть, просто в стороне стояли?

– Получается так, – согласился я. – Во всяком случае, судья в это поверил. Ну, или сделал вид, что поверил.

– А почему она сразу нам не сказала?

– У них отношения напряжённые, у подростка переходный возраст и дурь в голове. Есения живёт в нашем поместье, а он в её старой квартире. Она даже не сразу узнала, что он в тюрьме, ну и стыдно ей было в таком признаваться. Хотя я думаю, что она в любом случае вскоре бы ко мне пришла, уже успела понять, что своими силами сделать ничего не может. В общем, надо в точности выяснить, что там на самом деле произошло. Если действительно дело обстоит именно так, как она рассказывает, то я попрошу князя его помиловать, а ты проследишь, чтобы бывшие друзья обходили его по другой стороне улицы.

– Уличная шайка? – поморщился Кельмин. – Наверняка на всю голову отбитые. Опять придётся какое-то братство просить на них воздействовать.

– Если будет надо, то будем просить, – пожал я плечами.

– Вообще не понимаю, почему всю эту шушеру нельзя прижать, – в сердцах сказал он. – Они ведь даже не прячутся, в открытую свои дела проворачивают.

Я с интересом посмотрел на него.

– А ты, оказывается, мечтатель, Антон, – со смешком заметил я. – Всё же чувствуется в тебе военное прошлое. Вы, вояки, любите простые решения – вот друзья, вон враги – прицеливайся да стреляй.

– Да я помню, как вы говорили, что братства сдерживают уличную преступность.

– Сдерживают, – кивнул я. – Но на самом деле их терпят совсем не за это. Их просто используют для контроля уличной преступности, раз уж их невозможно уничтожить. Точнее, уничтожить-то всю преступность можно, но так будет хуже для всех.

– Это как так? – изумился Кельмин.

– Голову включи наконец, Антон, – недовольно сказал я. – Вот давай вместе пофантазируем, что мы оказались на месте князя и хотим уничтожить преступность в княжестве. Во-первых, как у нас сейчас дело обстоит? Какие-то районы охраняет муниципальная стража, за что-то отвечает княжеская, а некоторые части города вроде нашего Масляного конца, полностью под гербовыми семействами. С таким раскладом ничего особо не сделаешь, поэтому всех этих стражников надо разогнать и создать одно мощное ведомство, которое может эффективно действовать во всём княжестве. Так?

– Так, – осторожно согласился тот.

– Смотрим дальше. Если как сейчас, ради каждого мелкого жулика разводить канитель с многомесячным следствием, сбором доказательств, боданием с адвокатами, то никаких следователей не хватит. Значит, нужно вводить специальный кодекс для упрощённого судопроизводства. Верно?

– Ну... верно.

– И вот мы похватили и рассадили по тюрьмам всех преступников. Всё, казалось бы, замечательно, но что эта могучая машина будет делать дальше? Они же не будут просто сидеть и ждать, пока опять не появится какой-нибудь злодей и не украдёт у тёти Златы простыню

с верёвки. Они начнут присматриваться к обывателям, благо посадить кого-то с нашим новым упрощённым судопроизводством делать нечего. Они начнут лезть в политику, потому что такое мощное ведомство не будет просто выполнять приказы, оно обязательно станет продвигать свои интересы. Причём именно свои интересы, а вовсе не интересы княжества.

– Вы считаете, что так будет? – с сомнением спросил Кельмин.

– Сомневаешься? Зря. Именно так и будет. Когда силовые ведомства получают слишком много власти в стране, это никогда ничем хорошим не заканчивается. Потом приходится тратить много времени и сил, чтобы загнать их обратно на место. Они должны быть где-то в районе золотой середины, то есть достаточно сильными, чтобы эффективно бороться с преступностью, но не настолько сильными, чтобы лезть в политику. А ещё лучше иметь несколько конкурирующих ведомств, как у нас. Так что братства – это меньшее зло, действительно меньшее.

– Угум, – не очень убеждённо хмыкнул Антон. Впрочем, зная Кельмина, я уверен, что позже он тщательно всё обдумает, и скорее всего, придёт к тем же выводам.

* * *

О появлении Зеппера в Новгороде мы узнали заблаговременно и совершенно случайно – о его приезде не объявлялось, жил он в гостевом особняке банка и на публике не появлялся. Если бы Зайка ненароком не услышала о приезде в банк «большого начальника», мы о нём и не узнали бы. Не сказал бы, что это сильно много нам дало, но возможность хоть чуть-чуть подготовиться у меня появилась. Как минимум, нам удалось выяснить, что он интересуется поставщиком алхимии. Вряд ли особенно успешно – мутная фирма «Доброе дело» потому и была мутной, чтобы на ней все ниточки заканчивались.

Как мы и ожидали, вскоре от него последовало предложение встретиться. Я, в общем-то, ничего против не имел – встретиться с ним так или иначе придётся, так почему бы и не сейчас? Я ответил согласием, и после безуспешной попытки заставить меня приехать к нему, он в конце концов предложил вместе пообедать в небольшом ресторанчике, куда пускали только по рекомендации. Впрочем, ни мне ни Зепперу рекомендация не требовалась, мы, можно сказать, сами были рекомендацией.

Эрих Зеппер выглядел очень колоритно – благородная седина, не менее благородная щетина, устало-внимательные глаза, ну и вообще физиономия, вызывающая полное доверие. Выглядел он, как человек, которому хочется немедленно отдать свои деньги – одним словом, как банкир.

Как обычно, до десерта разговор шёл ни о чём, но я перешёл к делу сразу, как только это стало приличным.

– Итак, господин Эрих, чем же я могу быть вам полезен? – прямо спросил я, немного устав от пустой болтовни о погоде и последних веяниях имперской моды.

– Мне кажется, у нас есть немало общих интересов, господин Кеннер, – несколько туманно ответил тот.

– Вы считаете? – скептически спросил я. – И в чём конкретно вы их видите?

– Ну как же, – расцвёл он в улыбке, – вы же наш клиент. Уверен, что у нашего с вами сотрудничества большой потенциал.

– Вы о четвёртом механическом? – догадался я. Забавно – ему, похоже, не доложили, что мы собираемся вывести свои счета. Скорее всего, просто побоялись, ну и, наверное, надеялись, что получится по-тихому уговорить нас остаться.

– Уверен, что не только о нём, – он смотрел на меня с видом счастливого папаша, к которому вернулся блудный сын. – Конечно, это пока ещё дело будущего, но надеюсь, скорого.

– Конечно, – согласился я.

– А скажите, господин Кеннер, – вдруг посерьёзnel он, – вы поддерживаете контакты со своими родственниками в Трире?

– Изредка, – пожал я плечами.

– У нас с ними не очень получается продуктивное общение, – пожаловался он. – Возможно, вы могли бы выступить нашими представителями? Мне кажется, вам будет проще до них достучаться.

Как-то немного топорно это выглядит. Похоже, он так и не сумел собрать достаточной информации обо мне. А раз, несмотря на это, решил встретиться, то и не надеется узнать больше. Хотя откуда ему что-то узнать – о наших отношениях с трирскими родственниками мало кому хоть что-то известно. Собственно, кроме князя и Драганы, да возможно, их советников, никто ничего и не знает. Вот и не остаётся ему ничего, кроме как тыкаться наугад.

– То есть вы хотите, чтобы я давил на своих родственников в обмен на неопределённое обещание хороших отношений с вами в будущем? – уточнил я.

– Как-то неправильно это звучит, – поморщился он. – Да и почему же «неопределённое обещание»? Мы готовы предложить вам прекрасные условия, которые переведут наши отношения на новый уровень. Почему бы не обсудить этот вопрос подробнее? Мы, например, замечательно сотрудничаем с вашими родственниками из Меца – не вижу причин, почему бы не сотрудничать и с вами.

– Присылайте своих людей с конкретными предложениями, – согласился я. – Мы внимательно их изучим.

В его эмоциях давно уже чувствовалось некоторое недовольство ходом разговора, а в этот момент он не удержался, и это мимолётно отразилось на лице. Вот так вот оно и бывает, когда начинаешь деловые переговоры, не понимая, кто твой собеседник, и в чём состоят его интересы. Впрочем, Зеппер немедленно вернул на лицо выражение дружелюбного внимания.

– Непременнo, господин Кеннер, – согласился он. – В самое ближайшее время. Кстати, есть ещё одно дело, где вы, возможно, сможете мне помочь. Я интересуюсь поставками высокой алхимии – вы что-нибудь знаете об этом?

– Интерес к высокой алхимии у нас в княжестве не одобряется, господин Эрх, – хмыкнул я. – А слишком любопытные имеют обыкновение исчезать. Я ничем не могу вам помочь.

– Печально, печально, – покивал он. – Я уже столкнулся с этой необъяснимой секретностью в таком заурядном коммерческом деле. Но возможно, вы всё-таки сможете дать мне совет – если бы вам потребовалось закупить алхимию, что бы вы сделали?

– Что бы я сделал? Я бы выкинул эту мысль из головы и не стал бы в это влезать, – вполне искренне ответил я. – Вы обозначили свой интерес, этого достаточно. Если поставщик найдёт вас полезным, он сам с вами свяжется, а нет, так нет.

Кстати, о секретности – не так давно я всё-таки понял, с чем это связано, и несколько заданных невзначай наводящих вопросов мою догадку подтвердили. Как это нередко и бывает со сложными загадками, отгадка оказалась настолько простой, что казалась совершенно очевидной. И состояла она в том, что представители высшего дворянства княжества, в частности, Драгана, Алина, сам князь, возможно, ещё кто-то, занимались безусловно запрещённой дворянам торговлей. Если бы это открылось, последовало бы всеобщее осуждение, да и вообще у многих появились бы вопросы, на которые ни князь, ни Драгана с Алиной отвечать бы не захотели. К моему стыду, я догадался об этом не сам, а понял только тогда, когда Драгана поставила мне жёсткое требование хранить список пайщиков нашей новой экспортной компании в строжайшем секрете. И вот теперь и я сам оказался в этом замешан и чувствовал себя от этого не очень хорошо. Нет, понятно, что никакому купцу такое дело не отдали бы, но всё равно выглядело это как-то неправильно. Я твёрдо решил как можно быстрее заменить себя подставным лицом, вот только подходящей кандидатуры не прослеживалось. Нужен ведь

человек, безусловно преданный, и при этом не имеющий с нашей семьёй явных связей – и где такого взять? Драгана с Алиной тоже не нашли, вот и секретничают.

– А скажите, господин Эрих, – поинтересовался я, – как вы собираетесь улаживать неприятное дело с уклонением от налогов?

– Ах, это, – поморщился он. – Уверяю вас, что это клевета, грубо сфабрикованная нашими недоброжелателями.

Я чуть было не засмеялся. Было бы забавным сообщить ему, что это именно я раскопал их шалости с фиктивными кредитами. Но разумеется, ничего такого я сообщать не стал, а вместо этого покивал с сочувственным видом.

– Возможно, и клевета, – не стал я спорить, – но вам ещё предстоит убедить в этом князя.

– Это клевета хотя бы по той причине, что этому нет никаких доказательств, – довольно резко ответил Зеппер. Подобный поворот разговора был для него явно неприятным. – И если князь Яромир предпримет какие-то действия на основании всего лишь пустых домыслов, то дальнейшее будет исключительно на его совести.

Ну, я и предполагал, что Зепперы выберут именно такой вариант – вывести деньги, обанкротить банки, и свалить всё на князя. Никакой еврей-ростовщик не пройдёт мимо возможности безнаказанно присвоить деньги клиентов. Впрочем, справедливости ради, упоминание национальности здесь всё-таки излишне – будь Зепперы хоть эскимосами, они бы вели себя точно так же. Занятия ростовщицеством автоматически подразумевает наличие специфической морали, и евреи здесь вовсе не уникальны.

– Вы полагаете, что князь не найдёт способа заставить вас заплатить? – хмыкнул я.

– Я уверен, что мы сможем убедить его не разрушать наши отношения, которые до сих пор были добрыми. И надеюсь, таковыми и останутся.

Внезапно у меня в голове забрезжила очередная догадка, и я не раздумывая выстрелил наугад:

– Можно ли их назвать добрыми, учитывая ваши дела с Воиславом Владимирским?

Зеппер слегка дёрнулся от неожиданности, и взгляд его вильнул в сторону. Замешательство длилось лишь мгновенье, а затем он задумчиво на меня посмотрел.

– Скажите, господин Кеннер, а в чём состоит ваш интерес в этом деле?

А ведь похоже, что догадка верная, и он действительно замешан. Будь по-другому, он бы удивился, или не понял, или хотя бы переспросил. Да что угодно, только не вот это вот явное понимание с полуслова.

– Мой интерес прост, – пояснил я с невинным видом. – Мне хочется быть уверенным в надёжности банка, который предлагает мне сотрудничество. Вы очень оптимистично полагаете, что у князя нет возможности надавить на вас, а вот я в этом совсем не уверен. Да в конце концов, он ведь может и в самом деле представить доказательства. Ливония не Нихон – получить оттуда документы по вашим заёмщикам при желании вполне возможно.

На этом, собственно, содержательная беседа и закончилась – после небольшого периода неудобного молчания мы заговорили о другом. Однако Зеппер впал в задумчивость, отвечал немного невпопад, и после недолгого разговора на отвлечённые темы мы и распрощались.

Ну вот и прояснилась, наконец, роль Зепперов – теперь хорошо было бы понять, как использовать новую информацию. Идеально было бы добиться, чтобы Зепперы добровольно отказались от мысли покупать алхимию в Новгороде, но идей, как это можно сделать, пока мне в голову не приходило. Хотя, я думаю, это не последняя наша встреча. Пока что Зеппер не понял мою роль в торговле алхимией, и время у меня есть. Но рано или поздно он это выяснит, и к тому моменту надо бы иметь для него подходящие аргументы.

Глава 5

Встреча с Драганой давно назрела, а в некоторых вопросах, так и перезрела. В частности, о Зепперах я хотел бы поговорить с ней как можно скорее. Эта тема затрагивала слишком много слишком больших людей, и действовать наугад было просто опасно. Только надо было так сформулировать просьбу о встрече, чтобы она не выглядела просьбой об одолжении – просить Драгану об одолжении мне по-прежнему категорически не хотелось. Ничего умного в голову не лезло, и в конце концов я махнул рукой и приказал Мире соединить меня с сиятельной Драганой Ивлич. Соединили меня сразу.

– Гана, привет, – начал я. – У меня появилась кое-какая информация, которая может тебя заинтересовать, да и вообще надо бы с тобой посоветоваться. Нельзя ли как-нибудь встретиться с тобой в спокойной обстановке? Можно, например, в выходной у нас.

– Здравствуй, Кен, – отозвалась она. – Не вижу препятствий, только лучше ты приезжай ко мне. Мне у вас тяжело найти.

– Это ещё почему тяжело? – удивился я.

– Источник. Он у вас очень сильный, здорово давит.

– В первый раз об этом слышу, – растерялся я. – Вроде никто не жаловался.

– А у вас что – много Высших в гостях бывает? – иронически хмыкнула она. – Мы вносим возмущение просто своим присутствием, и чем сильнее возмущение, тем сильнее источник пытается его исправить. Обычного Владеющего он даже не замечает, а вот нас он пытается вытолкнуть подальше.

– Какие удивительные вещи ты мне рассказываешь, – озадачился я. – Вот интересно – а сколько ещё новых и неожиданных открытий мне предстоит сделать? Хорошо, я заеду в выходной.

В выходной я в точно оговорённое время стоял на пороге её особнячка на Розваже⁶. Стучать не потребовалось – едва я протянул руку к дверному молотку, как дверь отворилась, и знакомая служанка пригласила меня войти.

Гана обнаружилась в небольшой миленькой гостиной, в которой мне раньше бывать не приходилось – скорее даже не гостиной, а чем-то средним между комнатой отдыха и кабинетом. У мамы тоже было что-то в этом роде, что в старом доме, что в поместье. Вполне возможно, что это вроде такого женского инстинкта – оборудовать себе уютную норку сразу же, как только появляется такая возможность. Или свить гнездо – смотря кто как себя идентифицирует.

– Привет, Гана, – улыбнулся я, доставая из пакета кривоватую морковку. – Я с гостинцем.

– О, замечательно! – обрадовалась она. – Как бы уговорить тебя пустить это в ограниченную продажу?

– Да какой смысл уговаривать меня сделать то, что сделать невозможно? – хмыкнул я. – Такие плоды слишком редко появляются, а дальше мамы с Леной проходят ещё реже. Думаешь, мне они часто достаются?

– Печально, – с сожалением вздохнула она, аппетитно хрустя морковкой.

– Придумай, как быстро доставлять плоды из Рифеев, – предложил я. – Их там гораздо больше, и перенасыщенные наверняка чаще встречаются.

– Если я придумаю, твоей лавке придёт конец, – заметила она.

⁶ Розважа – древняя улица у стен Новгородского Детинца. В нашем мире она довольно оживлённа, потому что выходит на мост через Волхов, но в мире Кеннера она осталась короткой тупиковой улочкой, застроенной по обеим сторонам очень дорогими особняками.

– Кира будет счастлива, да и я, возможно, тоже. Я бы с удовольствием ограничился алхимией – привычный товар, без неожиданностей. А эти волшебные плоды – это вообще непонятно что, у Киры от них просто вялотекущая истерика. Впрочем, есть их она не отказывается.

– Ограничился бы алхимией, говоришь? – испытующе посмотрела на меня Драгана. – Первые партии ты, надо признать, провёл неплохо, но насколько я понимаю, с Зепперами ты вопрос ещё не решил? То есть некоторая неопределённость пока сохраняется?

Как удачно вышло, что она сама заговорила о Зепперах – теперь это точно не будет выглядеть так, будто я прибежал к ней советоваться насчёт проблемы, которую брался решить сам.

– Мне что – надо объяснять тебе, что такие вещи моментально не делаются? – укоризненно посмотрел на неё я. – В принципе, я думаю, что мы смогли бы силой заставить их отойти от этого дела, но ты же сама понимаешь, что это плохой вариант. Оставим его на крайний случай.

– А какой вариант, по-твоему, хороший? – заинтересовалась она.

– Лучше будет, если они сами откажутся от торговли алхимией, и будут за это нам благодарны. А ещё лучше было бы найти им при этом какое-то полезное применение, чтобы они нам помогали.

Драгана засмеялась, но вдруг резко замолчала и посмотрела на меня странно оценивающим взглядом.

– Знаешь, Кен, я вот сейчас привычно начала смеяться над наивным мальчиком, а потом вдруг подумала – а точно ли это смешно? И ещё подумала, что если ты вдруг и в самом деле такой фокус сделаешь, то я, возможно, уже и не удивлюсь.

– Ну я же просто обозначил желаемые цели, а не прямо вот гарантировал, что так и будет, – пожал я плечами. – Может и не получится. С Зепперами пока есть кое-какие неясности, а что-то делать, не понимая всех раскладов... Вот скажи, например: что князь собирается делать с их налоговыми махинациями?

– Да ничего не собирается, – с досадой ответила она. – И понятно почему. Ну что ты тут сделаешь, Кен? Можно только погрозить пальцем и потребовать больше так не делать. Ты же понимаешь, как они поступят, если всерьёз начать взыскивать с них недоимки?

– Прикарманят деньги клиентов, обанкротят банки и заявят, что деньги забрал князь Яромир под надуманным предлогом.

– Ну вот, сам же всё понимаешь.

– Можно ведь добыть доказательства уклонения от налогов, не настолько это сложно.

– И кому ты эти доказательства станешь показывать? – скептически хмыкнула Драгана. – В империи нас даже слушать не будут, поверят Зепперам. У нас даже в Ливонии влияния нет. И знаешь, чем это кончится? Имперцы конфискуют нашу собственность в возмещение того, что мы конфисковали у Зепперов. То есть именно мы и окажемся одновременно и главными пострадавшими, и при этом главными виноватыми. А Зепперы будут невинными жертвами вороватых и беспринципных восточных дикарей. Имперцы просто обожают такие ходы, у них важно не что ты сделал, а как ты это подал.

– Ну, как подать и у нас дело не последнее, – заметил я, размышляя над сказанным. – Но они это умеют лучше, согласен. А вот ещё такой момент: князь знает, что они запачкались в этом деле с Греками?

– Тоже мне, нашёл великий секрет, – пренебрежительно отозвалась она. – Знает, конечно.

– А то, что Зепперы прямо поддерживали Воислава? По всей видимости, финансировали его в обмен на какие-то обязательства.

– У тебя есть доказательства? – немедленно заинтересовалась Драгана.

– Нет, – вздохнул я. – Зеппер неявно это признал, но ничего конкретного у меня нет. Зато у меня есть ещё кое-какие интересные догадки. Например, что Зеппер ввязался в это дело не сам, а его руками действовали кананитяне. И воровал он не просто потому что мог,

а для того чтобы этими деньгами финансировать переворот. Заставить князя Яромира самому оплатить своё свержение – это прямо визитная карточка общества Симона Кананита.

– Очень интересные мысли, Кен, и я от имени Яромира благодарю тебя за то, что ты ими поделился. Вот только жаль, что у тебя нет доказательств. Если бы было хоть что-то конкретное, то можно было бы как-нибудь прижать Воислава, или хотя бы заставить его забыть о Новгороде навсегда. Но я так понимаю, что тебе интересен не Воислав, а Зепперы. А для Зепперов этот факт ничего не меняет – я же тебе описала, как всё будет происходить. Имперцам наши доказательства неинтересны, они в любом случае поверят Зепперам, а не нам. Мы для них чужие. Кен, здесь обычная логика не работает, здесь чистая политика, понимаешь?

– Понимаю, – с отвращением сказал я. – Ладно, буду думать дальше.

– Думай, – усмехнулась она. – Ты об этом и хотел поговорить?

– Не только. Есть у меня ещё один вопрос, возможно, и более важный. Лена спрашивала Алину, я говорил со Стефой, и никто из них ничего нам сказать не сумел. Надежда только на тебя. Ты слышала, что мы столкнулись с поляками, когда летали к родственникам в империю?

– Это когда тебя прозвали ливонским потрошителем?

Я зарычал от злости.

– Ладно, ладно, не злись, – засмеялась Драгана. – Ты сам виноват – надо было сразу же послать людей к тому редактору, а ты это дело запустил, и кличка успела широко разойтись. Давай дальше – что там с поляками?

– Когда они уже готовились пойти на абордаж, я увидел множество мутноватых таких плоскостей. Я немного двинул ту, в которой они отражались, и в результате гондола оказалась отрезанной от баллона. На том абордаж и закончился.

– Очень любопытно, – Драгана выглядела искренне заинтересованной.

– Но это ещё не всё. На экзамене по боевой практике нас решили засунуть в новый тестовый коридор в расчёте, что мы его не пройдём и завалим экзамен. Когда я всё равно стал его нормально проходить, Лея разозлилась, и начала активировать все ловушки подряд. Тогда я опять увидел подобные фигуры, обернул одну вокруг себя, и все предметы стали меня как бы огибать.

– Это в самом деле поразительно, Кен, но в чём состоит твой вопрос?

– У меня нет конкретного вопроса, потому что мы с Леной вообще не понимаем, что это такое. У меня множество общих вопросов. Например, что это такое вообще? Что с этим можно сделать? Какие в этом есть опасности? И так далее и тому подобное.

– А сам-то что думаешь?

– Я предполагаю, что это какие-то разрывы метрики пространства, вот только непонятно, что с этим предположением делать.

– Скорее, наоборот, – задумалась Драгана. – Ты создал разрыв пространства, и несущие конструкции дирижабля оказались разорванными. Вообще, разрывы метрики почти невозможно заметить, потому что они моментально закрываются сами по себе, но в этом случае за несколько мгновений части конструкции успели разойтись достаточно, чтобы после восстановления метрики остаться разделёнными.

– Я что-то в этом роде и предполагал, – согласился я. – А что ты вообще про это знаешь?

– Не так уж много, – пожала она плечами. – Воздействие на пространственную метрику встречается ещё реже, чем воздействие на лес вероятностей, так что об этом известно ещё меньше. Ты вообще знаешь, что пространство не является чем-то постоянным и неизменным?

– Знаю, что оно искривляется под воздействием массы.

– Это ещё вопрос, искривляется ли пространство под воздействием массы, или же масса возникает как результат искривления пространства. Но это уже излишние детали, а в целом ты прав. Мы воспринимаем пространство, как что-то неизменное и стабильное, но оно

не более стабильно, чем вода в пруду. Оно непрерывно растягивается, обеспечивая расширение Вселенной. Оно реагирует на движение тел. Даже пролетающая мимо муха порождает серию возмущений метрики пространства. Ничтожных возмущений, потому что масса мухи ничтожна, но таких воздействий очень много, и пространство непрерывно волнуется – растягивается, сжимается, искривляется. Иногда слабые воздействия входят в резонанс и порождают относительно долговременные искажения вроде разнообразных складок. Примерно, как из небольших воздушных потоков возникает большой стабильный вихрь. Вот эти искажения пространства ты и наблюдал. Кстати, принято считать, что потоки Силы двигаются вдоль пространственных аномалий, так что возле вашего источника наверняка есть большая стабильная складка.

– Хорошо излагаешь, Гана, – с некоторой завистью заметил я. – Очень понятно. Студенты наверняка твои лекции любят.

– Скоро сам узнаешь, – улыбнулась она.

– Ну с этим я понял, а как это можно использовать?

– Ты, по-моему, уже знаешь об этом больше, чем я, – покачала она головой. – Сам мне это расскажи.

– Можно портить дирижабли и вообще предметы, – начал я.

– Не совсем так. Когда разделяешь предмет разрывом пространства, нужно очень быстро развести части, иначе предмет восстановится, когда разрыв исчезнет. У тебя будет всего лишь несколько мгновений – разрывы метрики не могут существовать долго. В случае с дирижаблем баллон рвался вверх, а гондолу тянуло вниз, вот они и успели достаточно разойтись. Могли не успеть, и тогда никто ничего даже не заметил бы.

– Ещё применение – это пузырь пространства, который я сделал вокруг себя на экзамене. Выглядит, как полная неуязвимость. Наверное, и через стены можно так проходить.

– А как ты себя при этом чувствовал? – с любопытством спросила Драгана.

– Очень устал, – признался я.

– Вот-вот, – кивнула Драгана. – Я же тебе говорила, почему никто особенно не рвётся заниматься воздействием на лес вероятностей. То же самое и с контролем пространства. Работа с основами мира требует слишком много сил. Перспективы выглядят просто поразительно, но нужно заниматься этим столетиями, чтобы изучить хотя бы пару фокусов. И ещё неясно, хватит ли у тебя воли продвинуться дальше фокусов. Вот ты сказал, что можно проходить сквозь стены. Можно, но если бы ты попытался, то потерял бы сознание и остался замурованным в стене. Не очень приятная смерть, да и тому, кому пришлось бы тебя оттуда выковыривать, тоже не позавидуешь.

– Почему потерял бы сознание? – не понял я.

– Потому что усилие зависит от отклоняемой массы. Ты очень устал, всего лишь отклоня шарик и прочую мелочь. Стена потребовала бы совсем других усилий.

Я вспомнил, как чуть-чуть по инерции не вошёл в стену, и внутренне содрогнулся.

– Лена ещё считает, что можно использовать складки пространства для быстрых путешествий, – вспомнил я.

– Интересно, – задумалась Драгана. – Я никогда не слышала, чтобы кто-то такое умел, но мы не особенно охотно рассказываем о своих умениях. В принципе, это выглядит возможным. Если научитесь такому, это будет здорово. Главное, чтобы на другой конец приходило одним куском.

– Именно этот вопрос меня и заботит, – помрачнел я.

– Без риска прожить невозможно, – пожалла плечами Драгана. – Во всяком случае, на том пути, который ты выбрал. Так значит, ты всерьёз заинтересовался работой с пространством?

– Не я. Этим Лена интересуется, а мне по-прежнему больше нравится лес вероятностей.

– Вы с ней определённо не мелочитесь, – покачала головой Драгана, то ли одобрительно, то ли осуждающе.

* * *

На столе пискнул селектор и послышался голос Миры:

– Господин, Антон Кельмин просит передать, что доставили.

– Очень хорошо, Мира, – отозвался я. – Скажи ему, что я сейчас спущусь.

Спуститься в секцию подвала, которую занимал Кельмин, можно было по довольно незаметной лестнице в конце коридора, по которой можно было также выйти на задний двор, к хозяйственным постройкам. Не то чтобы Антон сильно в этих помещениях нуждался – у него было своё здание рядом с базой дружины, откуда он обычно и руководил своим непростым хозяйством. Подвальчик в Масляном он подгрёб скорее от жадности, но иногда он действительно оказывался полезным, вот как сейчас.

Здесь проходили беседы с посетителями, которые ещё не заслужили действительно вдумчивой беседы в специально предназначенном для этого помещении, но и почётными гостями тоже не были. И обстановка здесь была соответствующая – ещё не допросная с бетонными стенами, но уже и не гостиная с бархатными портьерами. Мрачноватые безликие кабинеты с огромными сейфами, неудобными стульями, и вывешенными на самом видном месте правилами внутреннего распорядка, выдержанными в стиле такого беспощадного канцелярита, что неподготовленный мозг отказывал уже на втором абзаце. Словом, такое место было знакомо любому, кому когда-либо случалось побывать в отделении полиции.

Я толкнул дверь, выкрашенную в грязновато-оливковый цвет, и оказался именно в таком кабинете – сейф в углу, голая лампочка под потолком, и правила конвоирования задержанных в рамке на стене. Обстановка, несомненно располагающая к откровенности.

В кабинете обнаружился худой паренёк довольно потёртого вида на стуле в центре, по обе стороны от него пара здоровенных парней с дубинками и кобурами на поясе, и Антон Кельмин, который сразу же поднялся из-за стола.

– Вадим Кошелев, господин, – представил парня Антон.

– Не Жданов? – переспросил я, усаживаясь за стол.

– Нет, у неё сестра была Кошелева по мужу, – пояснил Кельмин.

– А муж где?

– Никто не знает, давно исчез куда-то. Прикажете разыскать?

– Да нет, зачем он нужен, – махнул я рукой. – Просто спросил.

Наконец я обратил внимание на парня передо мной и начал задумчиво его рассматривать. Да, непохож он на организатора грабежа, да и вообще ни на какого организатора не похож. В банде своей он, скорее всего, шестёркой бегал, потому и пошёл отсиживать за всех. По виду это был типичный трудный подросток из тех, что показывают характер только перед родителями. Хотя какой он уже подросток? Подросток подрос, но ума так и не набрался. Или всё же набрался в тюрьме? Посмотрим...

Я молчал, разглядывая его, и парень неловко заёрзал на неудобном стуле. Не сильно-то он уютно здесь себя чувствует, впрочем, ничего удивительного, что неудобно. Не успел выйти из тюрьмы, как его сразу повезли сюда, а здешний пейзаж от тюрьмы не сильно-то отличается. И вряд ли парни Кельмина его вежливо приглашали – скорее всего, просто закинули в машину без лишних слов.

– Знаешь, кто я? – наконец обратился я к нему.

Он начал было отвечать, но голос у него дал петуха. Он прокашлялся и со второй попытки ответил:

– Мне сказали.

– Как дальше жить собираешься?

– Не знаю ещё, – ответил он. Ну, хоть честно.

– Я не советую тебе связываться со старыми друзьями, – с лёгким напором сказал я.

– Они сами со мной свяжутся, – угрюмо ответил он.

– Им объяснили, что тебя надо оставить в покое. Если там найдётся кто-то тупой, кто не понял, позвонишь по номеру, который тебе дадут, и про этого тупого больше никто никогда не услышит.

– Всё равно мне жизни не будет, – с тоской сказал он. – Пацаны же из-за меня сели.

– Они из-за себя сели, – с некоторым удивлением заметил я. – Мы с ними по душам поговорили, и они решили пойти в стражу и во всём честно признаться. Потому твоё дело и пересмотрели. Они ничего чужого на себя не брали.

– Они же не по своей воле в стражу пошли сдаваться. Мне уже предъяву кидали, что я ссучился.

– Ты, случаем, не собрался из меня слезу давить? – я уже начал слегка злиться. – Мне плевать и на тебя, и на твоих дружков-бандитов. Я вас всех хором в прорубь спущу, и у меня ничего внутри не дрогнет. Ты это понимаешь?

– Понимаю, – он исподлобья сверкнул на меня глазами, крысёныш.

– Так вот, я тебе сейчас обрисую ситуацию, а ты лучше это сразу уясни себе как следует, потому что я повторять не буду. Мне плевать на тебя. Жив ты, сдох ты – мне разницы нет. Но на тебя не плевать Есении Ждановой, а мне не плевать на неё. Понимаешь связь? И вот оказалось, что ты её расстраиваешь, а это расстраивает меня. Я это терпеть не буду. Можешь с ней не мириться, мне ваши отношения безразличны, но я тебе очень советую порвать со старыми друзьями и взяться за ум. За тобой будут присматривать, и если окажется, что ты опять взялся за старое, или как-то по-другому тётю огорчаешь, я тебя уговаривать больше не стану. Ты просто исчезнешь. Твоя тётя получит письмо, написанное твоим почерком, из Гамбурга или ещё откуда-нибудь, о том, что ты решил посмотреть мир и нанялся на судно. И потом она будет изредка получать письма из Нихона⁷ о том, что ты осел там, счастлив и домой не собираешься. Она тебя постепенно забудет, может, наконец, своего ребёнка родит. И всем будет хорошо, кроме тебя, конечно. Уяснил?

– Уяснил, – мрачно отозвался он.

– Ну вот и замечательно, – обрадовался я. – Я рад, что сумел до тебя достучаться. Видишь, Антон – нужно всего лишь подобрать правильные слова, и человек сразу всё понимает. А все те, кто до этого безуспешно пытались до него достучаться, они просто верных слов не знали.

Кельмин заухмылялся, и даже у двух его громил промелькнули ухмылки.

– Сейчас тебя проводят к тёте, – продолжил я, снова становясь серьёзным. – Веди себя там прилично. А потом можешь валить куда угодно. Но мои слова не забывай, потому что с тобой никто больше разговаривать не будет. Если ты опять огорчишь тётю, за тобой придут вот они и безо всяких разговоров отвезут тебя в болото. На этом всё, ведите его.

Очень надеюсь, что он всё-таки не станет огорчать тётю. На самом деле я совсем не уверен, что выполню свою угрозу, скорее даже наоборот – уверен, что не выполню. Не то чтобы я особенно переживал об этом гадёныше – общество только выиграет, если одним бандитом станет меньше. Такой вариант в самом деле наилучшим образом решал проблему, но что если до Есении дойдёт, куда на самом деле делся её племянник? Риск слишком велик, так что, скорее всего, придётся в случае чего искать менее радикальный способ. Для начала надо бы поговорить с Есенией, чтобы она помогла ему порвать с прошлым – купила квартиру в другом месте, помогла поступить учиться, ещё что-нибудь.

⁷ Нихон – самоназвание Японии.

Я тяжело вздохнул – вот уже докатился до того, что вынужден нянчиться с бандюками. Вообще – это слуги для меня или я для слуг? Интересный вопрос...

Глава 6

Лена прошла знакомой тропинкой мимо трансформаторной будки, на всякий случай привычно просканировала ближайшую окрестность и сунула ключ в неприметную скважину. Ржавая дверь бесшумно отворилась на хорошо смазанных петлях. Короткий коридор, лестница, ещё одна хорошо смазанная железная дверь, и перед ней открылось помещение архивного отдела. Впрочем, сотрудники отдела очень смутно представляли себе, что такое архив, и зачем такая бесполезная штука могла бы кому-то понадобиться. Разумеется, никаких архивов здесь и не водилось, зато присутствовала Марина Земец с медной туркой, которая распространяла одуряющий аромат свежего кофе.

– Мне тоже налей, Марин, – распорядилась Лена. – Здравствуй, кстати.

– О, Лена, – обрадовалась Марина. – Где ты пропадала? Я уже начала беспокоиться.

– У нас экзамены были просто жуткие, – поморщилась та от неприятного воспоминания. – Преподы как с цепи сорвались, решили припомнить нам всё. А сразу после экзаменов надо было готовиться к княжескому приёму. Ну и потом я же знаю, что вы сейчас отдыхаете после командировки, вот и не торопилась. Ты-то зачем здесь сидишь?

– Скучно дома, – пожаловалась Марина. – Здесь, правда, тоже скучно. Ну так что – получилось у преподав вам всё припомнить?

– Не особо, – усмехнулась Лена. – То есть, они очень старались, но только до тех пор, пока Кеннер не разозлился всерьёз. На этом все сразу же и успокоились.

– А что он сделал? – загорелась любопытством Марина.

– Да ничего особенного. Кеннеру как раз пришёл счёт из Академиума на очередное пожертвование. Он отослал его обратно с припиской, что его удивляет недоброжелательная политика Академиума по отношению к семье Арди, и что он был бы признателен ректору за разъяснение причин подобного поведения преподавателей. После этого преподавы даже экзамены у нас отказывались принимать, пытались сразу ставить «превосходно». Приходилось требовать билет, представляешь?

– Не представляю, – честно ответила Марина. – Вообще не могу себе представить наших преподав, чтобы они с порога ставили «превосходно». Я так думаю, это хорошо показывает, что значит фамилия Арди.

– Сомневаюсь, что фамилия Арди сильно много для них значит, – резонно возразила Лена. – Я так думаю, это хорошо показывает, что может высказать преподам ректор, мимо которого только что просвистел чек на десять тысяч гривен. Он, похоже, не хуже Кеннера умеет находить нужные слова.

– Кеннер умеет, – вздохнув, согласилась Марина.

– А что он тебе сказал? – полюбопытствовала Лена.

– Объяснил, как потакание собственной дурости закрывает мне путь к возвышению. Ну ещё много чего сказал, даже не хочу вспоминать, – махнула рукой Марина, явно расстроившись от воспоминаний. – А ты как отделалась?

– Отслужила полтора месяца десятником дружины.

– Десятником? – сделала круглые глаза Марина. – Ну ты даёшь! И как оно?

– Одного пристрелила, с остальными нормально справилась.

– Ничего себе ты резкая! Не хотела бы я в твоём десятке служить.

– Вообще-то, ты в моём десятке и служишь, – напомнила ей Лена.

– А, ну да, точно, – озадачилась Марина. – Но нас-то ты отстреливать не будешь?

– Отстреливать не буду, но курорт кончился. Если я порядок в отделе не наведу, Кеннер меня отстранит. Вот так-то, подруга.

– Ну, мы действительно слегка распустились, – неохотно признала Марина.

– Есть такое, – согласилась Лена, – раз уж даже Кеннер заметил. Ну ладно, что мы всё о грустном. Как вы съездили?

– Весело съездили, – оживилась Марина. – Представляешь, я контору Зепперов утопила.

– Это как?

– Обрушила внизу карстовую пещеру, их здание и провалилось. А потом туда вода из подземного ручья пошла. Сейчас там озеро, из которого кусок крыши торчит.

Лена восхищённо покрутила головой.

– И кто-то тут меня называет резкой! Маринка, ты меня уже начинаешь пугать.

– Да ладно, там всё просто на самом деле было, – небрежно отмахнулась Марина. – Но самое смешное – это то, что было дальше. Знаешь, что в конторе Зепперов теперь? Мне Бернар написал, так я глазам своим поверить не могла, два раза письмо перечитывала.

Лена удивлённо посмотрела на подругу.

– А с чего вдруг Бернар тебе письма пишет? Ты с нашим родственником закрутила, что ли?

– Ну даже если и закрутила, что тут такого? – надулась Марина. – Интересный мужчина, почему бы и не пообщаться поближе? Хочется ведь немного романтики иногда, не всё же убивать и взрывать.

– Ах, романтика! Значит, марки смотрела, – догадалась Лена. – Мне Кеннер рассказывал про его заходы.

– Не вижу ничего плохого в марках, – недовольно сказала Марина. – Маленькие, красивые...

– Он же неодарённый, Марин.

– И что с того? Мне же за него замуж не выходить. Зато обаятельный и вообще. Ну чего ты пристала, Лен? Если тебе неинтересно слушать, так и скажи.

– Нет, нет, интересно, рассказывай, – улыбнулась Лена.

Марина ещё немного поизображала нежелание рассказывать дальше, но потом всё же решила продолжить:

– Так вот, знаешь, что сейчас в бывшем представительстве Зепперов? Лен, ты упадёшь – аттракцион!

– Не поняла – это как? – удивилась Лена.

– Вот представь – одевают тебя в специальный гидрокостюм с аквалангом, и ты туда ныряешь. Плывёшь по коридору – и вдруг сбоку выплывает утонувший писец с папками в руках. Глаз на ниточке висит, язык вывалился, в разинutom рту мальки плавают.

– Фу, мерзость, – с отвращением сказала Лена, представив картину.

– Заплываешь в комнату, а там утопленница-машинистка цепляется за пишущую машинку. А в комнате отдыха начальник тискает секретаршу. Оба посиневшие и раздувшиеся. Ну и так далее, много там всякого разного в таком духе.

– Сколько же народа ты там утопила? – с недоумением спросила Лена. – И зачем? Неужели нельзя было как-нибудь без этого обойтись?

– Я и обошлась, – хмыкнула Марина. – Никто там не утонул – в здании было пусто, только охрана в караулке. Но караулка далеко в стороне стояла, она вообще осталась невредимой.

Лена молча смотрела на неё непонимающим взглядом.

– Это всё восковые куклы, – пояснила Марина непонятливой подруге. – Аттракцион, понимаешь?

– И кто-то эту гадость смотрит? – недоверчиво спросила та.

– Не просто смотрят, а ещё и платят за это хорошие деньги, – усмехнулась Марина. – Выплывают оттуда позеленевшие, но довольные, а потом и друзей приводят. Ты, Лен, просто слишком хорошо о людях думаешь, а вот Кеннер даже бы не удивился.

– Мне этого никогда не понять, наверное, – печально сказала Лена. – Пусть Кеннер и дальше не удивляется, а я хочу сохранить веру в людей. Слушай, – вдруг пришла ей мысль в голову, – а кто это сделал? Сами Зепперы?

– Нет, Бернар говорит, они продали кому-то участок со всем, что там есть, за какие-то медяки. И сейчас локти кусают, глядя, как этот кто-то бешеные деньги имеет с обычной дыры в земле.

– Ну слава богам, что не Зепперы, – облегчённо вздохнула Лена. – Мне не хотелось бы иметь врагов с таким извращённым воображением. Я верю, что Кеннер с кем угодно справится, но лучше не рисковать.

* * *

Стефу я, изрядно поплутав, нашёл в небольшом павильоне, где она отдавала какие-то распоряжения паре девушек, которые внимательно их выслушивали, время от времени согласно кивая. Я дождался, когда она закончит говорить, и негромко кашлянул.

– Кеннер? – удивилась Стефа. – Разве у вас не каникулы?

– Здравствуй, бабушка, – я ткнулся носом в прохладную щёку. – Каникулы. А ты не рада меня видеть?

– Рада, конечно, – с лёгкой иронией откликнулась она. – Просто гадаю, в какую авантюру ты нас опять собрался втянуть.

– Плохо же ты обо мне думаешь, – состроил я обиженное выражение. – Как будто я не могу к тебе просто так заехать.

– Можешь, конечно, – улыбнулась она. – Так ты просто так заехал или всё-таки по делу?

– Просто так, но есть небольшое дело.

– Ах, ну тогда действительно просто так, раз дело небольшое, – она уже откровенно смеялась. – Ну ладно, я как раз здесь закончила. Гулять холодновато, пойдём лучше ко мне, посидим у камина. Или тебе Ольга нужна?

– Нет, Ольга не нужна, – покачал я головой. – Дело и вправду небольшое. Просто вопрос.

Как это ни удивительно, но я ни разу не был у Стефы дома. Когда мы встречались по делам учёбы, то обычно либо занимались в ротонде Медведицы, либо просто гуляли по парку. Хотя она ведь у нас дома тоже не была – может, всё это по причине недостаточного взаимного доверия? Если это так, то мы сейчас ещё чуть-чуть продвинулись в сторону нормальных отношений.

Домик у Стефы оказался небольшим и очень скромным – даже слишком скромным, пожалуй. Вероятно, Высшие в родах живут подчёркнуто скромно, чтобы не раздражать родовичей, всё-таки род – это в какой-то мере просто большая семья. У Алины, правда, дом побольше будет, но какой-то особой роскоши и у неё нет.

– Занимай кресло, а я пока чай заварю, – Стефа кивком указала на пару больших кресел перед камином. – Можешь и камин растопить, дрова в углу.

– Растоплю, – согласился я.

К тому времени, как Стефа вернулась с подносом, камин уже горел вовсю, а я сидел в кресле, задумчиво глядя на огонь. Подумать мне и вправду было о чём. Началось всё с того момента, как я выдал из папы баронство в качестве извинения. А дальше одно цеплялось за другое – из-за этого несчастного выморочного баронства, которое по своей убогости было по большому счёту никому не нужно, я совершенно незаметно для себя влез в государственную политику. Стоило оно того? Определённо нет. Но как-то всё время получалось так, что свернуть было невозможно, и приходилось идти вперёд, погружаясь, как в болото, всё глубже и глубже. Я сейчас с удовольствием отказался бы от этого баронства, но совершенно явственно чувствовал, что стоит мне так поступить, и путь к возвышению для меня закроется навсегда.

Может быть, это как раз Сила подкидывает мне испытания... Впрочем, у меня так и не вышло воспринимать Силу как разумный субъект. Может, она и разумна, но её разум для нас настолько непостижим, что на самом деле нет никакой разницы, разумна она или нет.

– Так что у тебя за дело? – спросила Стефа, разливая чай.

– Дело-то? – рассеянно ответил я, отходя от своих мыслей и принимая от неё чашку. – Вы же от Греков цементный заводик получили, так?

– Заводик – это ты как-то совсем уж неподходящее слово подобрал, – заметила Стефа. – Этот, как ты говоришь, заводик производит почти половину строительных смесей в княжестве.

– Впечатляет, – уважительно кивнул я. – А счета он держит в банкирском товариществе «Ладога», где все предприятия Греков сидели, верно?

– Не вдавалась в такие детали, – пожалала плечами Стефа. – Но могу выяснить.

– Не надо выяснять, я уже выяснил. Вопрос у меня такой: если я попрошу вас перевести счета этого завода из «Ладоги» в какой-нибудь другой банк – вы сможете оказать мне такое одолжение?

– Наверное, сможем, – с удивлением посмотрела на меня Стефа. – Вот так, с ходу, не вижу каких-то препятствий. Ты хочешь, чтобы мы перевели счета в какой-то конкретный банк?

– Да нет, в любой банк по вашему выбору, – покачал я головой. – То есть в любой банк, кроме банка «Хохланд Коммерцбанк».

– Даже не слышала про такой, – пожалала плечами Стефа. – Переведём.

– Вот и замечательно, спасибо. Надеюсь, что это не понадобится, но если что, я на тебя рассчитываю.

– Не расскажешь, что ты задумал?

– Всё я тебе не смогу рассказать, а если расскажу только то, что могу, то выйдет полная бессмыслица.

– Ну-ну, – покрутила головой Стефа. – И что ты на этот раз приобретёшь?

– Я здесь скорее на княжество работаю, – смутился я.

– Ну-ну, – повторила Стефа с улыбкой. – Ладно, не буду тебя расспрашивать, всё равно какой-нибудь чепухи наговоришь. Как сессию сдал?

– Всё на «превосходно».

– И боевую практику?

– Её автоматом получил.

– Как ты так умудрился? – поразилась Стефа. – Я даже не представляю, что надо сделать, чтобы получить автомат у Менски.

– Он на экзамене сунул меня в хитрый коридор, где ловушки срабатывают по заданной программе, почти без участия оператора. Ну, чтобы оператор не выдавал срабатывание ловушки намерением. А я прошёл первую секцию без единого контакта. Точнее, в самом начале меня слегка по плечу чиркнуло, и всё. Вот Менски и решил, что нет смысла дальше ловушки разряжать. Поставил автомат и мне, и Лене.

– Неплохо, неплохо, – покивала Стефа. – Как у тебя вообще дело с волевыми воздействиями?

– Мы с Леной сейчас практически не используем конструкты, – ответил я. – Просто по той причине, что не можем их нормально использовать. С конструктами мы даже стандартный коридор не пройдем – слишком медленно их строим.

– А все ваши волевые воздействия соответствуют изученным конструктам?

– Нет, самые разные получаются. Даже те, для которых мы конструктов не знаем. И даже те, для которых конструктов, скорее всего, не существует.

– Ты не устаёшь меня удивлять, Кеннер, – вздохнула Стефа. – Даже не знаю, хорошо это или плохо, но то, что это ненормально, это точно. Такие вещи начинают понемногу осваивать,

когда становятся Старшими. Студент-третьекурсник такого в принципе уметь не может. Ваше сродство с Силой, конечно, помогает, но всё равно это слишком.

– Ты считаешь, что это плохо? – слегка обеспокоился я.

– Не знаю, Кеннер, честно. Может, и плохо. Понимаешь, за всё приходится платить, абсолютно за всё. Чем тебе придётся заплатить за такое быстрое восхождение? Я не знаю, я про такие случаи даже не слышала.

Вот и появился ещё один повод для беспокойства. Я от этих бесконечных поводов для беспокойства уже порядком устал, что-то слишком много их у меня. Лучше, наверное, вообще ни о чём таком не думать.

– Вряд ли я здесь могу что-то изменить, – пожал я плечами. – Такой у меня путь. Я думаю, любой путь к Силе опасен.

– Пожалуй, – согласилась Стефа. – И знаешь, скажу тебе больше – чем дальше, тем опаснее. У нас, я имею в виду Высших, тоже не всё так просто. Совсем непросто.

– Что-то нас совсем не туда понесло, – хмыкнул я. – Давай сменим тему. У меня, кстати, и вопрос появился. Помнишь, мы говорили о том, что конструкторы на самом деле совсем не нужны, а имеет значение только волевое усилие? У меня появились сомнения, что это действительно так.

Сомнения у меня появились после знакомства с Пожирателями Душ. Сразу я не обратил на это внимания, просто что-то зудело на грани сознания, а потом вдруг понял, что меня беспокоило. Пожиратели съели Ленкин конструктор светового шара и научились создавать свет. Если конструктор совершенно не имеет значения, откуда они поняли его связь со светом? Да и вообще – в чём тогда смысл поедания конструкторов, если они бесполезны?

– Ты опять упрощаешь, Кеннер, – поморщилась Стефа. – В мире крайне редко встречается простое деление на чёрное и белое. Мир гораздо сложнее, и когда ты пытаешься его втиснуть в такие простые рамки, ты навязываешь себе ложное понимание. Да, конструкторы не нужны, если ты способен сам создать правильное волевое усилие, но это же не значит, что они совсем ничего не делают. Здесь даже объяснять не нужно, проще увидеть на примере. Создай тороид Кюммеля.

Я сосредоточился и у меня на руке засиял небольшой неправильный шарик света с тёмным отверстием посередине.

– Теперь погаси его и создай снова, но пусть он излучает не свет, а тепло.

Я сделал, как она сказала.

– Молодец, – кивнула Стефа. – А теперь скажи: в чём ты почувствовал разницу, когда создавал эти конструкторы?

– Разное усилие? – предположил я, немного подумав. – Световой тороид создаётся без всякого усилия, я для теплового надо заметно напрячься.

– Именно так! Для тороида Кюммеля естественным является излучение света. Когда ты заставляешь его излучать тепло, тебе приходится с этим бороться, чтобы заставить его производить неестественный для него эффект. А теперь скажи мне, почему с этим конструктором связан именно свет.

Я задумался, но чем больше я думал, тем меньше это понимал. Действительно – почему? Какое дело Силе до разных причудливых трёхмерных конструкций?

– Не знаю, бабушка, – честно ответил я. – Вот хоть убей, не понимаю этого.

– Здесь ты слишком усложняешь, и потому проходишь мимо простого ответа, – укоризненно вздохнула она. – Упрощаешь там, где нужно видеть сложное явление, и усложняешь там, где это совсем ни к чему. Это же на самом деле просто – когда тысячи людей строят тысячи тороидов Кюммеля, создавая свет, для Силы он начинает ассоциироваться именно со светом. Можно сказать, что в каждом конструкторе закодировано соответствующее волевое усилие. И когда Владеющий раз за разом строит этот конструктор, он одновременно и укрепляет

эту ассоциацию, и в то же время узнаёт правильное волевое усилие. В конце концов он полностью осваивает волевое усилие, и конструкт становится ему не нужен, но это совсем не значит, что конструкт – это бесполезная штука, которая ничего не делает.

А ведь и в самом деле такое объяснение всё объясняет. Пожиратели с каждым съеденным конструктом всё лучше понимают его функцию – так же, как Владеющий осваивает воздействие, многократно строя конструкт. Можно сказать, что Пожиратели таким образом идут к возвышению – если подумать, путь ничем не хуже любого другого. То есть, если не вдаваться в моральный аспект пожирания других, возможно разумных, существ. Сила, похоже, экспериментирует не только с разными типами разума, но и с разными путями восхождения. Я слегка содрогнулся от мысли о Высшем Пожирателе – надеюсь, что до этого дело всё-таки не дойдёт.

– А как вообще появились эти конструкты? И с чем связана их конкретная форма?

– Конструкты создали Высшие, мы можем создавать начальную ассоциацию, как бы вкладывать в конструкт волевое усилие. И не думай, что это легко и быстро делается, – строго посмотрела она на меня.

– Я так не думаю, – поспешно подтвердил я.

– Что касается формы конструкта, то она выбирается произвольно, никакой разницы нет.

Привязку делали разные люди в разное время, поэтому набор родственных конструктов иногда выглядит странно.

– А что будет, если конструкт долго никем не будет использоваться?

– Ассоциация постепенно размоется, она же не вечная, – пожала плечами Стефа. – Будет всё сложнее и сложнее пользоваться конструктом, пока он вообще не потеряет связь с нужным волевым усилием.

– Спасибо, бабушка, – искренне сказал я. – Похоже, я наконец-то всё понял с конструктами.

– Задавай правильные вопросы, и получишь правильные ответы, – хмыкнула она. – Хотя обычно в правильном вопросе уже содержится правильный ответ.

Глава 7

Каникулы ещё не кончились, а я уже затосковал. Не то чтобы мне было нечего делать – дел как раз было более чем достаточно, но все они были чисто офисной работой. Я не так давно наконец понял, что конторский труд – это всё-таки не моё, а мне больше по душе какая-нибудь лёгкая интрига, да пусть хоть даже что-нибудь боевое. Когда я это осознал, то оказался не на шутку удивлён – я-то как раз всегда считал себя кабинетным работником. То ли как-то подействовало обучение на боевом факультете, то ли я с самого начала ошибался – сейчас уже и не понять.

Одним словом, когда сотрудники, обрадованные моим ежедневным присутствием на рабочем месте, завалили меня бумагами, я понял, что надо что-то делать, если я хочу сохранить рассудок в целости. Много времени на поиск подходящего занятия не потребовалось – когда ищешь повод избавиться от неприятной обязанности, он находится легко. Вот сейчас мы с Ленкой и шли в «Учёного цыплёнка» на встречу с одноклассниками.

– И что за срочность, Кени? – ворчала Ленка, которую я оторвал от какого-то интересного занятия. – Что это за неотложное дело такое, чтобы отрываться от занятых людей?

– Нет никакой срочности, Лен, – согласился я, порядком её удивив этим признанием. – Мне нужен просто повод сбежать от бумаг. Я в них уже тону, сил никаких нет. Помнишь легенду о заблудившемся писце? Ты ведь не хочешь, чтобы я так же закончил?

Ленка иронически фыркнула, но ничего говорить не стала, зато я ощутил лёгкую волну сочувствия. Я послал ей в ответ чувство смущения и благодарности, и она улыбнулась, бросив на меня быстрый взгляд.

– Я, кстати, Анету позвала, – сказала она. – У неё к нам какое-то дело есть. Ты не против? Ничего секретного не задумал?

– Да какие там секреты? – махнул я рукой. – Не смей меня. Не против, конечно – Анету я всегда рад видеть.

Ленка подозрительно на меня посмотрела, но всё-таки решила, что тема для тщательного разбора отсутствует. Ну понятное дело – с одной стороны, мне вроде деться некуда, но с другой – бдительность терять всё равно нельзя, будь это даже хоть сто раз лучшая подруга.

Анету мы и встретили рядом с «Цыплёнком», она как раз вылезала из маленькой машины – красной, конечно, какой же ещё. Машинка, хоть и маленькая, была отнюдь не дешёвой – Алина, похоже, не разделяла подхода Ренских к спартанскому воспитанию молодого поколения.

Девушки сердечно расцеловались – ну у этих-то эмоции в самом деле соответствуют. Женщины часто радость встречи только изображают, а для эмпата очень неприятно ощущать диссонанс реальных чувств и демонстрируемых. Но Ленка с Анетой по-настоящему дружны, и вполне возможно, что Ленка действительно согласилась бы терпеть её в семье. У меня такая мысль несколько раз мелькала – Анета и в самом деле мне глубоко симпатична, – вот только слишком уж много проблем от этого возникло бы, да и не отдаст её Алина в другую семью.

Семья Сельковых уже сидела внутри, за нашим любимым столиком. Очень удачно получилось его занять – трактир был полон. Занятия ещё не начались, у студентов было полно времени для подработок, и соответственно, деньги в карманах водились. Вот во время сессии, да и перед ней, здесь был мёртвый сезон. Если бы не редкие компании денежных мажоров, трактир на время сессии можно было бы смело закрывать.

– Как сессию сдали? – поинтересовался я, пропуская этап приветствий. В конце сессии мы с ними почти не пересекались, так что я и правда не знал, что там у них с результатами.

– Нормально, – ответила Дара. – Почти всё на «превосходно». Правда, у Вани и «приемлемо» есть. По словесности.

– По словесности? – удивился я. – Какая может быть проблема со словесностью, Иван? Тебе что – трудно несколько книжек прочитать?

– Зачем мне это? – махнул рукой. – Бесплезный предмет. Мы же боевики.

– Вы же решили дворянами стать? О чём ты будешь разговаривать в дворянском собрании? О ковке гвоздей? Если ты хочешь стать своим в обществе, должен разговаривать на том же языке. Разбираться в литературе, музыке, уметь грамотно писать и так далее.

– Гвозди не куют, – мрачно возразил Ваня, чувствуя неприятный поворот беседы.

– Да я помню, что их на проволочно-гвоздильном автомате делают. Неважно. В общем-то, ты прав – ты вполне можешь прожить без этого. Но вы же наверняка детей планируете? Если тебя не признают в дворянском обществе, твоим детям придётся хлебнуть полной ложкой. Сверстники будут им на каждом шагу тыкать, что они из коровника вылезли.

Дара со Смелой резко напряглись. Будущие проблемы будущих детей явно задевали их гораздо больше, чем Ваню.

– Ты говорил, что у тебя отец мещанин, но тебе же никто не тыкает? – привёл Иван убойный аргумент.

– А мне тыкали, – засмеялся я, ощутив и от Ленки волну веселья. – Но видишь ли, в чём тут дело – мало кто способен ткнуть меня происхождением и выжить после этого. И даже те, кто способен, ещё десять раз подумают, стоит ли оно того. Это даже не вспоминая про нашу мать, которая от таких намёков тоже может оскорбиться, а это уже для любого однозначно смертельно.

– Кто это тебя тыкал происхождением? – удивилась Анета. – И что с ним стало?

– Был такой редактор гнусной газетёнки под названием «Голос гражданина», – пояснил я. – Написал про меня какую-то чепуху, в том числе насчёт моей якобы дурной наследственности, и вскоре скоропостижно скончался. С журналистами порой случаются такие неприятные вещи, когда они перестают различать границы допустимого. Свобода слова – это, конечно, святое, но надо думать, что говоришь.

– Скажи, пожалуйста, Кеннер, – вмешалась в разговор Дара. – Ты как-то упоминал, что не всем позволяют стать дворянами. А может такое быть, что вещи вроде оценок по словесности на это тоже влияют?

– Умные сами всё понимают, – улыбнулся я ей. – Умным не нужно объяснять.

Девчонки задумчиво посмотрели на Ваню, и у того во взгляде мелькнула паника. Смело могу предположить, что ему в самом скором времени придётся засесть за прописи. Думаю, к окончанию Академиума они и в самом деле выкуют из кузнеца дворянина. Кузнец, конечно, временами будет вылезать наружу, но в целом Иван будет не хуже многих признанных обществом дворян. Всё-таки распределяли нас по группам умные люди, и я раз за разом убеждаюсь, что место Ивана именно в первой группе. И дело даже не в каких-то способностях – мы с Ленкой живое свидетельство того, что школьные способности – та самая пресловутая основа, – практически ничего не стоят. Важно, что у Ивана достаточно сильная воля, чтобы измениться, и достаточно гибкая психика, чтобы эти изменения принять.

Половой прикатил тележку, заставленную тарелками, и разговоры на какое-то время затихли.

– Так зачем ты нас собрал, Кеннер? Или просто так, пообщаться? – прямо спросил Иван, наконец отвалившись от горки цыплят табака, которые в этом трактире назывались почему-то «Цыплята по-магистерски». Стоили они, кстати, заметно дороже просто жареных «Цыплят по-студенчески».

– Нет, не просто так, – отозвался я. – Вы помните, что в конце курса у нас состоятся так называемые игры? В которых мы будем участвовать то ли игроками, то ли кеглями, или чем там будут играть.

– А не рано ты об этом заговорил? – удивился Ваня, да и остальные выглядели тоже неуверенно.

– А вы помните, что можно приглашать в команду старшекурсников? А ещё вы помните, что пятикурсники непосредственно перед выпуском – это на самом деле Владеющие четвёртого-пятого ранга? Им осталась чистая формальность – получить диплом. А теперь представьте, что нам противостоит команда, в которой из пяти участников трое Владеющих пятого ранга.

– Ты в самом деле думаешь, что у нас есть шансы против такой команды? Как мы можем её победить?

– Я не знаю, можем ли мы её победить, – признал я. – Я даже не уверен, что нам вообще нужна победа, слишком уж много непонятого с этими играми. Но в любом случае нам надо выступить достойно. Вот я и хочу обсудить с вами, как нам можно увеличить наши шансы.

– Если уж это обсуждать, то без Анеты, – заметил Иван. – Извини, Анета, но ты из другой команды.

– Мы же не конкретную тактику будем обсуждать, – возразил я. – Пусть слушает на здоровье – если ей этого хватит, чтобы победить, значит, она эту победу заслужила.

– Вы будете приглашать пятикурсника? – вдруг спросила Анета, как бы не заметив нашу с Иваном перепалку.

– Нет, нас же пятеро, – ответил я. – Команды от одного до пяти человек.

– Значит, правила ты ещё не читал, – улыбнулась она. – Это численность основной команды, не считая приглашённых участников. Вас пятеро, значит, вы можете пригласить ещё одного участника со стороны. А если в команде один человек, он может пригласить пятерых. Если найдёт их, конечно.

– А в чём тогда отличие между основным участником и приглашённым? – не понял я.

– Командовать может только основной участник. Приглашённый не имеет права даже советовать, только исполнять приказы. Так вы будете приглашать пятикурсника?

Вся группа вопросительно уставилась на меня. Хотя нет, не вся – Ленка была полностью увлечена пирожным, и разговором совершенно не интересовалась.

– Мы не будем приглашать пятикурсника, – твёрдо заявил я.

– Тогда я хочу к вам попроситься, – вдруг заявила Анета.

Вот тут на неё изумлённо уставились уже все, включая Ленку.

– Наша группа решила пригласить старшекурсника, – пояснила она, – а я сказала, что тогда уйду. А они только обрадовались и сказали, что тогда пригласят двоих. Они главным образом боятся, что ты лучших пятикурсников заберёшь. Что вы с Леной заберёте себе сразу четверых лучших, и тогда вас будет не остановить. Дуры. Ну а мне одной участвовать вообще никаких шансов.

– А почему ты не хочешь собрать команду из старшекурсников? К тебе многие пойдут.

Анета глубоко задумалась, а мы терпеливо ждали.

– Не знаю, – наконец сказала она, беспомощно на меня посмотрев. – Просто чувствую, что это будет неправильно, и что лучше будет даже одной.

Анета точно станет Высшей и Матерью рода. Она, скорее всего, ещё не понимает этого, но наверняка у неё начинает просыпаться предвидение Высших. А ведь вполне возможно, что Академиум так и определяет будущих Высших – по отношению к приглашению пятикурсников. Наверное, существует много признаков, по которым они распознают будущих Старших и Высших, но предвидение, без всякого сомнения, один из важнейших.

– Мы с Леной за Анету, – объявил я.

– А что ты за Лену говоришь? – недовольно заметил Иван. – Пусть она сама за себя скажет.

Мы с Ленкой удивлённо посмотрели на Ивана, потом друг на друга, а потом одновременно поняли, что они просто не знают про сопряжение душ.

– Иван, Кеннер говорит за меня, потому что знает, что я думаю, – мягко сказала Ленка. – Через несколько лет ты сам будешь говорить за своих жён, потому что вы станете думать одинаково. Нет, я не стану ничего объяснять – почитайте в библиотеке про сопряжение душ, там всё подробно описано. Так что вы скажете насчёт Анеты?

Семья Сельковых переглянулась между собой, и Иван сказал:

– Мы тоже не против.

Я чуть было не засмеялся, и от Ленки тоже пришёл образ хохочущей куклы. Он уже начал говорить за жён, и при этом они ничего не слышали про сопряжение душ, и сами до сих пор ничего не заподозрили. Просвещать их мы не стали, да и ни к чему – даже если Иван и пропустил мимо ушей совет посетить библиотеку, его девочки ничего не пропускают.

– Добро пожаловать в команду, Анета, – сказал я. – А насчёт третьей группы ты что-нибудь знаешь?

– Ничего, – улыбнулась она. – Но случайно услышала, что они разделились – две девочки с мальчиком, и две других, которые не вписались в гарем. Обе команды хотят звать старшекурсников, но не особо надеются победить. У тебя, Кеннер, репутация ещё та – наша группа ещё как-то надеется тебя победить, если удастся найти двух пятикурсников, а эти вообще не рассчитывают на победу.

– Хм, – немного смутился я. – Пятикурсников, скорее всего, разберут всех, но наверняка там будут ещё и команды четверокурсников, про которых все почему-то дружно забыли. А кстати, Мина Золотова в какой команде? – вспомнил я про самую талантливую девочку в мещанской группе, с которой мы, кстати, недавно подписали контракт.

– В команде не вписавшихся в гарем, – засмеялась Анета. – Я тоже думаю, что она там единственная, кого стоит принимать во внимание. Так какой у тебя план?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.